

Къ вопросу о свободѣ воли. ¹⁾

(Данныя гипнологіи и психопатологіи).

Тема моего доклада уже не разъ служила предметомъ оживленнаго обмѣна мыслей въ этой залѣ, на засѣданіяхъ Психологическаго общества. И, если я не ошибаюсь, ровно двадцать лѣтъ тому назадъ, въ началѣ 1887 года, здѣсь былъ выслушанъ первый рефератъ „о свободѣ воли“; за нимъ послѣдовалъ рядъ другихъ, и названному вопросу было удѣлено много силъ и вниманія со стороны членовъ молодого общества, тогда только что основаннаго трудами своего перваго предсѣдателя. И хотя я не былъ свидѣтелемъ этого блестящаго періода въ жизни Психологическаго общества, я чувствую потребность вспомнить съ глубокой благодарностью имя Николая Яковлевича Грота, пріобщившаго меня впоследствии къ тому кругу идей и вопросовъ, съ которыми тѣсно связанъ мой сегодняшній рефератъ. Знаю, что въ то далекое время въ преніяхъ по вопросу о свободѣ воли принимали участіе лучшія силы Психологическаго общества, что ими сдѣлано такъ много для правильной постановки и рѣшенія этой запутанной проблемы, а потому вы поймете то естественное смущеніе, которое я испытываю теперь, снова затрагивая старинный вопросъ, названный кѣмъ-то не даромъ квадратурой философскаго круга. Приведеннымъ сравненіемъ имѣлось въ виду отгнать его исключительную трудность и даже намекнуть на

¹⁾ Докладъ, читанный въ засѣданіи Московскаго Психологическаго общества 31-го марта 1907 г.

невозможность его разрѣшенія путемъ философскаго анализа. А потому всякое новое разсужденіе на эту тему требуетъ съ самаго начала объясненія и даже оправданія. Вѣдь было бы непростительно съ моей стороны надѣяться охватить вопросъ во всей его сложности, вновь извлекая на свѣтъ и знаменитый камень Спинозы, который „еслибы могъ размышлять и т. д.“, и призракъ Буриданова осла, погибшаго отъ голода между двумя связками сѣна, и „умопостигаемый характеръ“ Канта и другія не только геніальныя концепціи, но подчасъ и причудливыя построенія. Скажу заранѣе, что изъ этого арсенала я извлекъ лишь „чувствованіе свободы“, на анализѣ котораго и намѣренъ остановиться. И если мнѣ придется въ началѣ коснуться детерминизма, то, какъ бы сильно не влекло меня мое общее міровоззрѣніе въ сторону этой доктрины, не могу не согласиться однако, что большинство трактатовъ, посвященныхъ детерминизму далеко не безупречно въ смыслѣ научной методологіи ¹⁾. Эти трактаты заполнены главнымъ образомъ такими же діалектическими разсужденіями и аподиктическими утвержденіями, какъ и трактаты, исходящіе изъ противоположнаго лагеря. Но такой пріемъ недостаточенъ для всесторонняго рѣшенія вопроса. На это между прочимъ указывалъ покойный проф. Корсаковъ, очень интересовавшійся проблемой свободы. „Діалектическій методъ“, говорилъ онъ, „есть могучій способъ въ изслѣдованіи научныхъ истинъ, но не нужно забывать, что примѣняя этотъ методъ, нельзя упускать изъ виду и другихъ научныхъ методовъ, напр., метода наблюдений и экспериментовъ. Мнѣ кажется, что въ вопросѣ о свободѣ воли слишкомъ мало изслѣдована, *путемъ научныхъ наблюдений и эксперимента фактическая сторона* и потому пока всѣ діалектическіе разсужденія будутъ очень мало обогащать наши знанія“ ²⁾.

¹⁾ См. объ этомъ у Петражицкаго, Введ. въ изуч. права и нравственности, стр. 177 и слѣд.

²⁾ Труды Московскаго Психологическаго общества, выпускъ 3, „О свободѣ воли“. Ст. 208 и слѣд.

Къ такому же заключенію приходитъ проф. Петражицкій, затрагивающій вопросъ о свободѣ воли съ точки зрѣнія юриста-психолога. По его мнѣнію необходимо „надлежащее специальное изслѣдованіе относительно причинъ волевыхъ феноменовъ, какъ таковыхъ“. Такимъ „надлежащимъ изслѣдованіемъ было бы индуктивное изслѣдованіе“, путемъ соответствующихъ методовъ. „Однако“, говоритъ онъ, „необходимость индуктивнаго изслѣдованія проблемы (свободы) чужда сознанию послѣдователей какъ детерминизма, такъ и противоположнаго ученія“ ¹⁾.

Дѣйствительно, съ указанной стороны сдѣлано еще очень мало. Совершенно не тронутымъ лежитъ въ сторонѣ богатый фактическій матеріалъ. Опыты надъ загипнотизированными субъектами, наблюденіе надъ душевно-больными, нѣкоторыя данныя экспериментальной психологіи—все это, (если не считать небольшой работы проф. Ноше ²⁾), мало привлекаетъ вниманіе изслѣдователей и не утилизируется ими въ интересахъ рѣшенія вопроса.

Хотѣлось бы сдѣлать попытку хоть отчасти заполнить этотъ пробѣлъ. И въ этомъ я ищу оправданія, что, несмотря на необъятную литературу разбираемаго вопроса, несмотря на то, что здѣсь, въ этой залѣ, свобода воли неоднократно служила предметомъ самаго разнообразнаго и талантливаго освѣщенія, я все же рѣшился вновь подойти къ вопросу о свободѣ воли.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Принципы такъ называемаго детерминизма крайне просты и незамысловаты: всѣ перемѣны, происходящія въ мірѣ, имѣютъ свои причины; ничто не совершается самопроиз-

¹⁾ Петражицкій стр. 186, 187.

²⁾ Prof. dr. Hoche. Die Freiheit des Willens vom Standpunkte der Psychopathologie. Wiesbaden 1902.

вольно, независимо отъ цѣлаго ряда предшествующихъ условій; фактъ, разъ совершившись, *долженъ былъ* совершиться именно *такъ*, а не иначе, если же этотъ фактъ въ слѣдствіи происходитъ нѣсколько иначе, то мы заключаемъ отсюда, что вызвавшія его причины должны были претерпѣть соотвѣтствующія измѣненія; сознание и воля, какъ явленія природы, также подчинены *всеобщему закону причинности*; воля и всѣ вытекающія изъ нея дѣйствія человѣка, опредѣляются его побужденіями, побужденія (или мотивы дѣйствія) зависятъ отъ характера, а характеръ является сложнымъ продуктомъ наслѣдственности, условій развитія, воспитанія, среды и т. д.; каждый отдѣльный поступокъ человѣка *долженъ былъ* произойти именно такъ, какъ онъ произошелъ въ дѣйствительности, и для того, чтобы поступокъ совершился иначе должны измѣниться или самъ субъектъ, или окружающія условія; слѣдовательно, при *данныхъ* условіяхъ, для *даннаго* субъекта возможно исключительно одно, а именно *данное* дѣйствіе. Изъ этой формулы, составленной Рилемъ ¹⁾, вытекаетъ логическое слѣдствіе, что свобода воли—метафизическая мечта, лишенная всякой реальности, простая иллюзія оболыщенного самосознанія. „Новая астрономія“, говоритъ Риль, „созданная Коперникомъ и Кеплеромъ, не даромъ слыветъ открывшею движеніе земли и познавшею истинное устройство солнечной системы; новая философія въ свою очередь можетъ похвалиться тѣмъ, что открыла движеніе воли и выяснила истинный строй духа. Оба открытія—астрономическое и философское—образуютъ поворотные пункты научнаго міровоззрѣнія, — первое—важнѣйшій культурно-историческій вкладъ въ познание о внѣшнемъ мірѣ, второе—основу для научнаго пониманія внутренняго міра, духовной жизни человѣка. Въ обоихъ случаяхъ настоящее положеніе дѣла противорѣчитъ показаніямъ непосредственнаго опыта; здѣсь выясненіе истины означаетъ, слѣдовательно, торжество мысли надъ

¹⁾ Риль. Теорія науки и метафизика и т. д. перев. Корша Москва 1887, стр. 284.

первоначальнымъ познаніемъ, связаннымъ съ чувственными впечатлѣніями. По достиженіи теоріей Коперника всеобщаго господства, восходъ и закатъ солнца считаются просто обманомъ чувствъ, хотя съ точки зрѣнія земного наблюдателя явленіе это необходимо, такъ и свободу воли называютъ обманомъ внутренняго чувства, хотя для самого дѣйствующаго лица, т.-е. съ точки зрѣнія субъективнаго опыта, она и должна казаться свободной¹⁾.

Противъ этихъ положеній однако энергично возстаетъ человѣческое самосознаніе, непосредственная философія обыденной жизни. Вспоминая тотъ или иной свой прошедшій волевой актъ, человѣкъ убѣжденно и рѣшительно заявляетъ: „Я могъ поступить иначе; я былъ свободенъ поступить совершенно обратно“. Въ этомъ категорическомъ заявленіи отражается вполне опредѣленное и ясное свидѣтельство нашего внутренняго опыта, которое и является главной причиной того, что ученіе о свободѣ воли съ давнихъ поръ находило такое множество энергичныхъ сторонниковъ. Не будь этого свидѣтельства нашего самосознанія, не было бы и самого вопроса и люди, чувствуя себя несвободными, были бы естественными детерминистами.

Съ развитіемъ научнаго мышленія, по мѣрѣ того какъ принципъ всеобщей причинной связи явленій сталъ вторгаться и въ область феноменовъ психической жизни, вопросъ о свободѣ воли приобрѣлъ особенную остроту. Съ ясной и опредѣленной формулой: все, что ни совершается отъ величайшаго до малѣйшаго, совершается одинаково необходимо—съ этой формулой никакъ не могло примириться то еще болѣе ясное и отчетливое *чувствованіе свободы*, какое переживается человѣкомъ при совершеніи волевыхъ актовъ. Здѣсь, такимъ образомъ, внѣшній и внутренній опытъ вступаетъ въ ожесточенный конфликтъ, и, въ то время какъ детерминизмъ всецѣло основывается на данныхъ внѣшняго опыта, распространяя законъ причинности на всѣ міровые процессы, въ томъ числѣ и на

1) Тамъ же, стр. 257.

явленія психической дѣятельности, — индетерминизмъ беретъ подъ свою защиту непосредственное чувствованье свободы и утверждаетъ, что волевые акты вносятъ собой перерывы въ ряды механической причинности. Мы сознаемъ себя свободными въ своихъ волевыхъ рѣшеніяхъ, и это сознание, говорятъ индетерминисты, не можетъ быть обманомъ, т. к. въ нашемъ сознаниі психическихъ явленій никакой обманъ немислимъ, „по той простой причинѣ, что наши психическія явленія только въ нашемъ сознаниі и существуютъ и больше ихъ *нидѣ нѣтъ*; стало быть, *какъ* они въ сознаниі даны, такова и ихъ *единственная* дѣйствительность“ ¹⁾. Мы чувствуемъ себя свободными, слѣдовательно, мы свободны.

Далѣе, по мнѣнію индетерминистовъ, свобода воли требуется (постулируется) цѣлымъ рядомъ практическихъ соображеній. Если данный поступокъ является единственно возможнымъ, если онъ такъ же необходимъ, какъ паденіе камня или отклоненіе магнитной стрѣлки, то не исчезаетъ ли всякій смыслъ въ одобреніи и порицаниі, въ наказаніяхъ и наградахъ и имѣемъ ли мы право дѣлать отвѣтственнымъ челоѣка за его поступки? Между тѣмъ чувствованіе отвѣтственности столь же реально, какъ и чувствованье свободы, и оба эти переживанія тѣсно связаны между собой. Мы чувствуемъ себя отвѣтственными, слѣдовательно, мы отвѣтственны и слѣдовательно—свободны. „Въ этомъ утвержденіи теологія, наука уголовного права и вся сумма общественныхъ отношеній соединяются другъ съ другомъ на защиту свободы воли“ (Риль). Такимъ образомъ, теоретическій интересъ сталкивается съ интересомъ практическимъ, и „если, говоритъ проф. Л. М. Лопатинъ, отрицаніе закона причинности есть отрицаніе всякаго знаніе, то, въ свою очередь, отрицаніе свободы есть отрицаніе нравственной жизни“ ²⁾.

Когда слѣдствія, выведенныя изъ двухъ фактовъ, при-

¹⁾ Л. М. Лопатинъ. Вопросъ о свободѣ воли. Труды Московскаго Психологическаго Общества. Выпускъ III, стр. 124.

²⁾ Тамъ же, стр. 108.

водятъ къ неразрѣшимоу противорѣчію, то прежде всего необходимо удостовѣриться въ справедливости означенныхъ фактовъ. Законъ причинности—незыблемая основа всего нашего опытнаго познанія. Однако всеобщность этого закона не можетъ быть научно доказана. И весь вопросъ о свободѣ воли коренится въ гипотетическомъ допущеніи, что законъ причинности имѣетъ свои исключенія, а именно не простирается на явленія сознанія и воли. Понятно, что будь его всеобщность доказана, съ этого момента индетерминизмъ, какъ философское ученіе, не могъ бы просуществовать ни единой минуты. Но дѣло въ томъ, что всеобщность закона причинности—также гипотетическое допущеніе. Въ этомъ смыслѣ высказываются тѣ осторожные изслѣдователи, которые не хотятъ вносить въ науку аподиктическихъ принциповъ, заимствованныхъ изъ области вѣрованій и метафизическихъ умозрѣній. По ихъ мнѣнію, всеобщность причинной связи только *вѣроятна*. Правда, что, если мы желаемъ достигнуть научнаго пониманія явленій, мы должны поступать такъ, какъ будто всеобщность причинной зависимости уже доказана; мы молчаливо признаемъ всеобщее значеніе причинной связи, какъ постулатъ всякаго научнаго мышленія; но при этомъ не слѣдуетъ забывать, какъ выражается Петражицкій, что „возведеніе въ истины разныхъ положеній, на томъ основаніи, что признаніе ихъ правильности требуется для такой или иной цѣли, есть методъ ненаучный съ элементарно-логической точки зрѣнія; нелогично и нелѣпо обосновывать наличность чего-либо тѣмъ, что мы въ немъ нуждаемся, хотя для этой формы смѣшенія теоретической и практической точки зрѣнія и имѣется въ распоряженіи громкое слово постулатъ и авторитетный образецъ въ лицѣ философіи Канта“¹⁾. Такимъ образомъ утверждать „постулятивно“ всеобщность причинной связи приемъ совершенно не научный; оставаясь на единственно логически правильной точкѣ зрѣнія, мы можемъ утверждать

¹⁾ Петражицкій, I. с., стр. 186.

лишь то, что „по мѣрѣ совершенствованія техники научнаго мышленія и соотвѣтственнаго обогащенія и укрѣпленія научныхъ знаній, все большее количество явленій оказывается, на основаніи научно-методологическихъ излѣдованій, подчиненнымъ причинной зависимости, и все больше и больше расширяется и углубляется знаніе соотвѣтственныхъ законовъ. Сообразно съ этимъ все болѣе и болѣе растетъ *вѣроятность*, что дѣло идетъ не о какомъ-нибудь случайномъ и частичномъ явленіи, а объ общемъ порядкѣ природы“ ¹⁾.

Если раздѣлять вышеприведенный взглядъ, по которому законъ всеобщей причинной связи только *вѣроятенъ*, но еще не доказанъ, то, разумѣется, было бы непозволительно приводить этотъ законъ въ качествѣ аргумента противъ свободы воли.

Я не намѣренъ, однако, долго останавливаться на вопросѣ о законѣ причинности; для цѣлей этого реферата необходимо лишь выяснитъ мою точку зрѣнія на этотъ вопросъ, а потому, не вдаваясь въ подробности, я позволю себѣ высказать мнѣніе, что вышеприведенное разсужденіе о вѣроятности всеобщей причинной связи, несмотря на его осторожность и видимую научность, представляется мнѣ не лишеннымъ какого-то схоластическаго педантизма. Едва ли не будетъ правильнѣе признать, что всеобщность причинной связи познается нами такъ же непосредственно, какъ существованіе пространства и времени и что умъ человѣка не въ состояніи мыслить какой-либо фактъ внѣ его зависимости отъ предшествующей цѣпи явленій; самая строгая опытная провѣрка подтверждаетъ эту зависимость на каждомъ шагѣ. Всеобщность причинной связи является, такимъ образомъ, результатомъ высшей индукціи, и дедуктивная проэція этого знанія въ области неизвѣстнаго вполне удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ научной мето-

¹⁾ Л. М. Лопатинъ. Вопросъ о свободѣ воли. Труды Московскаго Психологическаго Общества. Выпускъ III, стр. 108.

дики. Идея причинности — основная предпосылка всякаго опыта, аксіома познающаго разума, не *постулять* научнаго мышленія, но *апріорная* основа науки.

Нѣкоторые мыслители пытались доказать, что „законъ причинности имѣеть сравнительно недавнее происхожденіе“ и что идея объ его безизъятной полносильности отсутствуетъ и теперь еще у огромнаго большинства людей; ея не было, будто бы, даже у древней философіи, вплоть до Демокрита“ (Риль). Нѣтъ спору, что законъ причинности въ его научной формулировкѣ (законъ неизмѣннаго единообразія въ послѣдовательности явленій)—есть достояніе позднѣйшей науки. Но и древняя вѣра въ „беззаконность и чудеса“,—говоритъ проф. Лопатинъ,—„вовсе не допускала безпричинности. Человѣческія племена на самой низшей миеологической стадіи своего духовнаго роста, развѣ отрицають законъ причинности, или ограничиваютъ его примѣненіе? Для нихъ весь міръ представляетъ замкнутую систему духовныхъ дѣятелей, которые своею волей направляютъ всѣ его явленія, которые то враждуютъ съ человѣкомъ, то любятъ его и сообразно съ этимъ то наказываютъ его, то награждаютъ. При этомъ идеѣ объ единообразіи явленій, конечно, мѣста нѣтъ; но причина для нихъ указывается вполне опредѣленно: она полагается въ творческой дѣятельности духовъ, наполняющихъ вселенную. Древніе мексиканцы послѣдній день каждаго вѣка своей эры проводили въ несказанномъ страхѣ, опасаясь, что на слѣдующее утро солнце не взоидетъ совсѣмъ. Но при этомъ они вовсе не думали, что такое несчастіе разразится безъ причины; они боялись только, что ихъ свирѣпое и ревнивое божество внезапно рѣшитъ, что людямъ существовать довольно и уничтожить всякую жизнь на землѣ. Они предвидѣли причину ожидаемой перемѣны, хотя, безспорно, въ нихъ представленіе о прочности міроваго строя было очень слабо“ 1).

1) Л. М. Лопатинъ. Е. с., стр. 111.

Отсюда ясно, что общечеловѣческое понятіе о причинности существовало уже въ незапамятныя времена; смутная интуиція или несовершенная индукція,—это понятіе получило лишь въ сравнительно недавнее время свою научную формулировку. И я, конечно, не сталъ бы такъ долго останавливаться на этомъ вопросѣ, не желая ломиться въ открытыя двери, если бы не была предложена вышеприведенная поправка къ тезису причинности, въ видѣ положенія объ его *вѣроятности*, словно идетъ рѣчь о какомъ-нибудь частномъ явленіи природы; въ послѣднемъ случаѣ всегда умѣстны и крайній скептицизмъ и величайшая осторожность. Но когда дѣло касается основныхъ предпосылокъ познанія, эти качества превращаются въ бесплодное мудрствованіе и педантическое резонерство. Будемъ ли мы разсматривать причинную связь, какъ дѣйствительно сущеющее соотношеніе вещей, или же, слѣдуя Канту, увидимъ въ немъ одну изъ апріорныхъ формъ познающаго разума—мы не можемъ отрѣшиться отъ его неизмѣнной всеобщности.

II.

Второй фактъ, требующій надлежащаго разсмотрѣнія (и этимъ я приближаюсь къ непосредственной темѣ моего реферата), есть то своеобразное *чувствованіе свободы*, наличность котораго придаетъ вопросу о свободѣ воли его острый противорѣчивый характеръ. Ясно, что, если законъ причинности непоколебимо-всеобщъ, то слѣдовательно всеобщее чувствованіе свободы, данное намъ въ самонаблюденіи, должно быть обманчиво, иллюзорно. Интересно отмѣтить, что это положеніе, хотя и не разъ высказывалось, не было никогда доказано.

Но прежде всего является вопросъ: это чувствованіе свободы—дѣйствительно ли оно всеобщее, т.-е. единодушно переживается всѣми людьми при совершеніи волевыхъ актовъ?

Въ этомъ сильно сомнѣвался недавно скончавшійся профессоръ Герценъ. Онъ полагалъ, что „во всѣ времена было и теперь есть множество людей, у которыхъ отсутствуетъ

всякое сознание свободы воли, которые, напротивъ того, чувствуютъ, что дѣятельность ихъ управляется или рядами болѣе или менѣе сознательныхъ мотивовъ, или волею Бога. Развѣ нѣтъ цѣлыхъ народовъ, исповѣдующихъ фаталистическое міросозерцаніе? Все, что можно сказать, это то, что сознание говоритъ *многимъ* людямъ, что они свободны; можно было бы даже протестовать противъ слова „многіе“ и потребовать замѣны его словомъ „нѣкоторые“ ¹⁾).

Съ мнѣніемъ Герцена едва ли можно согласиться. Безспорно, что огромное большинство людей, признающихъ влияние на ихъ волю, такъ называемыхъ, мотивовъ, допускаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что при активной оцѣнкѣ мотивовъ, *сама воля* имѣетъ въ конечной инстанціи самостоятельное рѣшающее значеніе. А въ этомъ допущеніи вѣдь и кроется ядро популярнаго общежитейскаго индетерминизма. Если бы только *нѣкоторые* исключительные индивиды пережили чувствованіе свободы, то врядъ ли возникъ весь этотъ *трагическій* ²⁾ вопросъ, который Бэнъ окрестилъ именемъ „ржаваго замка метафизики“. Ссылка на мистиковъ и фаталистовъ также не представляется доказательной, такъ какъ и тѣ и другіе лишь отвлеченно разсуждаютъ о внушеніяхъ Божества или роковомъ предопредѣленіи. Пожалуй, можно допустить, что въ этихъ ученіяхъ кроется безсознательное убѣжденіе въ господствѣ закона причинности, своего рода предчувствіе детерминизма. Но чувствованіе свободы, какъ психологическое переживаніе, несомнѣнно имѣется и у фаталиста и мистика, и при всѣхъ произвольныхъ волевыхъ актахъ въ ихъ повседневной жизни они чувствуютъ, что причиной ихъ дѣятельности являются они сами, а вовсе не Божество, или Рокъ; любой кальвинистъ или иранскій дервишъ, поступивъ противно закону, можетъ, конечно, заподозрить впоследствии, что онъ сдѣлался жертвой лукавыхъ внушеній нечистаго духа, но, значитъ, нечи-

1) А. Герценъ. Общая физиологія души. Перев. Паперна. Изд. Павленкова. Спб., 1890 г., стр. 117.

2) Выраженіе Л. М. Лопатина.

стый одновременно съ грѣховнымъ внушеніемъ позаботился со свойственной ему хитростью внушить и чувствова- ніе свободы, чтобы, такимъ образомъ, совершенный по- ступокъ по своему психическому механизму ничѣмъ не отличался отъ нормальнаго волевого акта. Чувствование свободы свойственно и самому убѣжденному философу- детерминисту; онъ можетъ признавать себя несвободнымъ, на основаніи теоретическихъ построений, но *чувствуетъ* себя таковымъ. И, мнѣ кажется, можно высказать положе- ніе, что чувствование свободы есть несомнѣнный психоло- гическій фактъ, данное внутренняго опыта, возникающее въ силу какихъ-то основныхъ свойствъ нормально функціо- нирующаго психическаго механизма.

Мы приходимъ такимъ образомъ къ заключенію, что оба разсмотрѣнныхъ факта—законъ причинности и чувствование свободы — одинаково несомнѣнны и одинаково всеобщи. И если тѣмъ не менѣе они логически исключаютъ другъ друга, то приходится вспомнить положеніе, по которому въ опытѣ никакой антиноміи быть не можетъ, а потому, когда слѣдствія, выведенныя изъ эмпирическихъ данныхъ, приводятъ къ неразрѣшиму противорѣчію, то слѣдуетъ искать причину этого противорѣчія не въ фактахъ, какъ таковыхъ, а въ ихъ теоретическомъ истолкованіи.

„Мы чувствуемъ, что наша воля свободна; это чувство- ваніе несомнѣнный фактъ“, говорятъ индетерминисты, и на- учная критика до этого пункта съ ними вполне солидарна; но когда изъ приведеннаго положенія дѣлаютъ дальнѣйшій выводъ: „слѣдовательно воля дѣйствительно свободна“— научная критика произноситъ свое veto, указывая на не- правильность сдѣланнаго заключенія. Заключеніе это непра- вильно прежде всего потому, что оно грѣшитъ кореннымъ образомъ противъ законовъ формальной логики. Силлогизмъ, изъ котораго приведенное заключеніе выводится, строился бы слѣдующимъ образомъ:

1) Все, что ясно чувствуется всѣми людьми—объективно истинно.

2) Свобода воли ясно чувствуется всѣми людьми.

3) Слѣдов. своб. воли объективно истинна, она существуетъ.

Но легко замѣтить, что первая посылка этого силлогизма не доказана, а потому все построение является образчикомъ элементарной логической ошибки, извѣстной подъ именемъ *petitio principii*. Но мало того. Утверждение, что, если какой-либо фактъ единодушно признается всѣми людьми, то, значить, этотъ фактъ дѣйствительно существуетъ—утверждение это совершенно неправильно и, такимъ образомъ, нашъ силлогизмъ, кромѣ *petitio principii*, заключаетъ въ себѣ еще болѣе крупный порокъ, а именно *propter falsos*, или *error fundamentalis*. Его первая посылка неправильна даже относительно явленій внѣшняго міра. Психологія воспріятія знаетъ цѣлый рядъ такъ называемыхъ иллюзій, свойственныхъ всѣмъ пяти органамъ чувствъ. Есть *постоянныя* иллюзіи, которымъ подвержены всѣ люди безъ исключенія и отъ которыхъ можно освободиться лишь путемъ долгаго опыта и упорныхъ усилій. Приэтомъ по поводу очень многихъ иллюзій можно согласиться съ толкованіемъ *James'a*, согласно которому—иллюзія не есть въ сущности неправильное воспріятіе: то непосредственное впечатлѣніе, которое мы получаемъ—несомнѣнный фактъ и элементъ иллюзорности содержится не въ немъ самомъ, „а въ томъ сужденіи, которое мы составляемъ о немъ“. „Данное воспріятіе“—говоритъ *James*,—„если бы мы могли ощущать его обособленнымъ отъ всего остального, оставалось бы до конца истиннымъ; оно вводитъ насъ въ заблужденіе лишь тѣмъ, что вызываетъ за собою; такъ называемые, обманы чувствъ, которымъ давали такъ много толкованій древніе скептики, не суть, собственно говоря, обманы чувствъ—это скорѣе обманы интеллекта, который ложно истолковываетъ данное чувство“¹⁾.

Для того, чтобы коррегировать иллюзіи, мы обычно сравни-

1) Джэемсъ. Психологія. Перев. И. И. Лапшина. Спб. 1896, стр. 255.

ваемъ между собой наши чувственныя воспріятія; провѣряя осязательныя ощущенія зрительными или наоборотъ, мы мѣняемъ точку зрѣнія и достигаемъ, такимъ образомъ, истиннаго познанія. Дальнѣйшей задачей научнаго анализа является отысканіе тѣхъ условій, которыя вызываютъ данную иллюзію; а все вмѣстѣ взятое устанавливаетъ окончательное сужденіе объ изслѣдуемомъ явленіи и отводитъ ему подобающее мѣсто, сообразно характеру его и значенію. Иногда этотъ процессъ коррегирования иллюзій выходитъ изъ круга элементарно-чувственныхъ воспріятій, подымаясь на высоту научно-философскаго созерцанія. Такъ, напримѣръ, возвращаясь къ сравненію Рила, — „чтобы настоящее движеніе небесныхъ тѣлъ отличить отъ кажущихся, мы должны мысленно геоцентрическую точку зрѣнія, обусловливающую наше воспріятіе, замѣнить геліоцентрической и тогда, хотя и продолжая попрежнему *видѣть* восходъ и закатъ солнца, мы путемъ *умозаключенія* восстанавливаемъ истинное положеніе вещей“.

Я не буду долго останавливаться на разсужденіи о томъ, что при внутреннемъ воспріятіи, при самонаблюденіи, условія для всевозможныхъ иллюзій даны еще въ большей степени, чѣмъ при чувственномъ воспріятіи, что здѣсь самый способъ наблюденія заключаетъ въ себѣ многочисленные источники ошибокъ, что здѣсь объектомъ наблюденія является самъ наблюдатель, почему, какъ извѣстно, Огюсть Контъ считалъ методъ самонаблюденія даже прямо нелѣпымъ и заранѣе обреченнымъ на самую жалкую неудачу. И хотя мнѣніе Огюста Конта нельзя не признать преувеличеннымъ, тѣмъ не менѣе даже психологи, пользующіеся почти исключительно интроспекціей, считаютъ необходимымъ признаться, что „свидѣтельства индивидуальнаго сознанія не слѣдуетъ принимать съ закрытыми глазами и что при этомъ обязательно слѣдуетъ руководствоваться извѣстными правилами осторожности“. Надо коррегировать результаты самонаблюденія. Для этого субъективный методъ дополняется объективнымъ, и эта комбинація обоихъ методовъ, характери-

зующая собой экспериментальную психологію, уже въ высокой степени гарантирована отъ ошибокъ и, какъ извѣстно, привела въ лицѣ Вундта къ плодотворнымъ научнымъ завоеваніямъ. Было бы, конечно, излишнимъ доказывать преимущества экспериментальнаго метода; но такъ какъ я имѣю въ виду изслѣдовать при его помощи чувство свободы, то не могу не упомянуть, что этотъ методъ даетъ прежде всего возможность *повторять* изслѣдуемое явленіе любое число разъ до полного выясненія его характера и установленія его зависимости отъ различныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ факторовъ; при этомъ бываетъ нетрудно совершенно исключить вліяніе столь склоннаго къ иллюзіямъ *предвзятаго мнѣнія*, такъ какъ изслѣдуемый субъектъ можетъ быть поставленъ въ такія условія, при которыхъ онъ ничего не знаетъ о намѣреніяхъ экспериментатора. Если прибавить къ этому, что данный психическій процессъ выступаетъ впередъ вполне отчетливо и ясно, какъ бы выдѣленнымъ для цѣлей изслѣдованія изъ пестраго потока сознанія, то становится очевиднымъ, что при всѣхъ этихъ благопріятныхъ условіяхъ мы можемъ пользоваться для изученія душевныхъ явленій тѣми же основными методами индукціи (сходства, различія и сопутствующихъ измѣненій), которые примѣняютъ съ такимъ успѣхомъ физика, химія и біологія.

Но, къ сожалѣнію, изслѣдованіе (при помощи экспериментальнаго метода) явленій душевной жизни успѣшно подвигается впередъ лишь до тѣхъ поръ, пока дѣло касается такихъ элементарныхъ процессовъ, какъ воспріятіе, узнаваніе или простыя ассоціаціи. Чѣмъ сложнѣе психическій актъ, тѣмъ труднѣе вызвать его искусственно и тѣмъ все болѣе и болѣе недостаточны тѣ сравнительно грубые приемы, съ которыми работаетъ экспериментальная психологія. Поэтому психологи въ поискахъ за новыми методами обратили вниманіе на явленія гипнотизма, сдѣлавъ попытку воспользоваться ими для анализа болѣе сложныхъ психическихъ переживаній. Въ настоящее время въ указанномъ направленіи

уже сдѣлано довольно много; и если даже съ самой строгой критикой отнести къ добытому матеріалу, то „нельзя не признать“,—говоритъ *Loewenfeld* ¹⁾),—„что наука обогатилась новымъ отдѣломъ и что значительно развились наши знанія въ различныхъ областяхъ психологіи“. Нельзя не упомянуть, по этому поводу, о выдающихся работахъ Оскара Фохта, который явился однимъ изъ піонеровъ новаго метода, указавъ путь, какъ примѣнять гипнотизмъ для цѣлей психологическаго изслѣдованія.

Другимъ вспомогательнымъ методомъ для изученія сложныхъ душевныхъ комплексовъ могло бы явиться наблюденіе надъ психопатологическими состояніями. Однако, несмотря на ихъ огромное значеніе, психопатологическіе факты нашли въ психологіи лишь весьма ограниченное примѣненіе. „Причина этому“,—по мнѣнію Штёрринга ²⁾),—„чисто внѣшняго характера: патологи были до сихъ поръ слишкомъ мало психологами и наоборотъ“. А между тѣмъ душевныя болѣзни представляютъ собой не только обширное поле для наблюдений, но и цѣлую психологическую лабораторію: вѣдь „въ патологическихъ случаяхъ эксперименты производитъ сама природа и производитъ ихъ сплошь и рядомъ не надъ простыми, а надъ сложными психическими процессами“, т.-е. какъ разъ надъ тѣми, для анализа которыхъ оказываются недостаточными повседневные методы опытной психологіи. Нерѣдко мы имѣемъ передъ глазами почти полную аналогію съ искусственнымъ экспериментомъ, какъ, на примѣръ, въ тѣхъ психопатологическихъ случаяхъ, когда первично измѣнено какое-либо *одно изъ условій* нормальной душевной дѣятельности. То же самое иногда можетъ быть достигнуто у здороваго субъекта путемъ гипнотическаго внушенія и въ этомъ случаѣ передъ нами уже не только аналогія съ экспериментомъ, но настоящій научный опытъ. И въ томъ и другомъ случаѣ при по-

¹⁾ Левенфельдъ. Гипнотизмъ. Перев. Ляссъ, стр. 404.

²⁾ Штёррингъ. Психопатологія въ примѣненіи къ психологіи. Перев. А. А. Крөгуса. Спб., 1903 г., стр. 7.

моши индуктивныхъ методовъ является возможность изучить вліяніе этого условія на механизмъ душевныхъ процессовъ; какое его значеніе для тѣхъ функцій, въ составъ которыхъ оно входитъ или, выражаясь иначе: какъ отражаются его измѣненія на существующихъ и послѣдующихъ явленіяхъ и можно ли приписать данному фактору характеръ причины для какой-либо и какой именно изъ наблюдаемыхъ переменныхъ ¹⁾).

III.

Нашему анализу подлежитъ психологическій фактъ—чувствованіе свободы, сопровождающее выполненіе нормального волевого дѣйствія. Это внутреннее воспріятіе требуетъ самой строгой провѣрки и всесторонняго истолкованія, въ виду того ожесточеннаго конфликта, въ который оно вступаетъ съ основной предпосылкой всего нашего познанія—съ закономъ всеобщей причинности. Ненаучно и легкомысленно отдѣлаться отъ чувствованія свободы, приписавъ ему голословно характеръ интроспективной иллюзіи. Его иллюзорность должна быть доказана съ очевидностью; но мало того: необходимо еще выяснить, отъ какихъ условій зависитъ появленіе такого своеобразнаго и всеобщаго заблужденія. Но прежде всего два слова о психологіи волевого акта и о понятіи свободы.

Каждый сознательный волевой актъ подлежитъ разложенію на три отдѣльныхъ періода, слѣдующихъ одинъ за другимъ въ хронологическомъ порядкѣ. Прежде всего въ сознаніи возникаетъ опредѣленное двигательное представленіе, обладающее эмоціоной окраской; послѣдняя можетъ имѣть либо положительный, либо отрицательный характеръ, въ зависимости отъ чего говорятъ о движеніи или задержкѣ, о желаніи или о нежеланіи, самый же періодъ можно опредѣлить, какъ особое душевное переживаніе, называемое вообще *хотѣніемъ*. Но возникшее хотѣніе большею частью

¹⁾ См. Штёррингъ, 1. с. стр. 6—7.

сталкивается съ цѣлымъ рядомъ другихъ хотѣній, выплывающихъ изъ глубины сознанія, по законамъ ассоціаціи; каждое изъ нихъ обладаетъ своей собственной эмоціональной окраской и соотвѣтственной импульсивностью; поэтому проходитъ нѣкоторое время, пока возникшія хотѣнія какъ бы уравниваются между собой, и пока какое-либо изъ нихъ, обладающее самой яркой эмоціональной окраской, возрастаетъ въ своей импульсивности и фиксируется въ сознаніи; это—періодъ *выбора*; его заключительная фаза воспринимается сознаніемъ, какъ воспослѣдовавшее *рѣшеніе*, вслѣдъ за которымъ вступаетъ въ свои права сложный психо-физиологическій механизмъ, функція котораго — *дѣйствіе* или *задержка* — составляетъ третій и послѣдній періодъ волевого акта. Сообразно этимъ тремъ фазисамъ воли принято разбирать отдѣльно свободу хотѣнія, свободу выбора и свободу дѣйствія. Но я опускаю этотъ разборъ, т. к. иначе мнѣ пришлось бы цѣликомъ привести сдѣланный Виндельбандомъ общеизвѣстный и блестящій анализъ этихъ понятій.

Что касается понятія свободы, то въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи я буду имѣть въ виду почти исключительно *свободу хотѣнія* (и отчасти свободу выбора), опуская свободу дѣйствія, какъ не представляющую интереса въ вопросѣ о свободѣ воли. Итакъ, свободнымъ хотѣніемъ будетъ такое хотѣніе, которое возникаетъ у человѣка самопроизвольно, какъ будто внѣ закона причинности, и которое сопровождается специфическимъ *чувствованіемъ свободы*. Путь, по которому должно идти экспериментальное изслѣдованіе, поставившее себѣ задачей провѣрить достовѣрность и правдивость чувствованія свободы, намѣчается самъ собой: мы должны ввести въ волевой актъ элементъ принужденія и прослѣдить, какъ отражается послѣднее на чувствованіи свободы; принужденіе произведетъ экспериментаторъ, о колебаніяхъ въ чувствованіи свободы сообщить намъ испытуемый субъектъ на основаніи своего внутренняго воспріятія. При этомъ необходимо исключить вліяніе съ его стороны предвзятаго мнѣнія, и съ этой цѣлью испытуемый долженъ

быть поставленъ въ такія условія, чтобы ничего не знать о намѣреніяхъ экспериментатора. И тогда, если бы оказалось, что *хоть при нѣкоторыхъ волевыхъ актахъ*, несмотря на отсутствіе дѣйствительной свободы, т.-е. при наличности явственнаго принужденія,—непосредственное *чувствованіе свободы* остается неизмѣннымъ, то мы пришли бы къ выводу, что между объективной и субъективной свободой нѣтъ никакой причинной зависимости и что чувствованію свободы слѣдуетъ приписать характеръ интроспективной иллюзіи, доказанной опытнымъ путемъ. Фактическая сторона подобнаго эксперимента легко осуществима на дѣлѣ и неоднократно осуществлялась при помощи гипнотизма.

Посредствомъ внушенія, какъ извѣстно, можно заставить воспримчиваго субъекта выполнить опредѣленное дѣйствіе либо во время самаго сна, либо сейчасъ же послѣ пробужденія, либо спустя нѣкоторое время. Внушенія на продолжительный срокъ (*à échéance*), тщательно обследованныя Нансійской школой, представляютъ для разбираемаго вопроса особенно выдающійся интересъ. Начнемъ съ разсмотрѣнія болѣе простыхъ случаевъ, когда внушеніе производится въ поверхностномъ снѣ, когда гипнотикъ ясно помнитъ всѣ обстоятельства гипноза, и слѣдовательно нѣтъ и намека на амнезію (разстройство памяти). Что же происходитъ въ сознаніи субъекта, которому сдѣлано постъ-гипнотическое внушеніе, каковъ механизмъ его воли и какія измѣненія претерпѣваетъ его чувствованіе свободы?

Bleuler, профессоръ психіатріи въ Цюрихѣ, былъ много разъ гипнотизированъ и обнаруживалъ подробный рассказъ объ испытанныхъ имъ впечатлѣніяхъ. Я заимствую изъ его сообщенія лишь то, что относится къ постъ-гипнотическому внушенію. „Выполненію послѣ гипнотическаго внушенія я могъ оказать сопротивленіе“,—пишетъ проф. Bleuler,—„но это стоило мнѣ порядочныхъ усилій. И когда я въ разговорѣ хотя бы на минуту забывалъ о своемъ намѣреніи не обращать вниманія на тарелку, которую мнѣ предписано было поставить на другое мѣсто, я внезапно открывалъ, что фик-

сирую именно эту тарелку. Мысль о данномъ мнѣ приказаніи мучила меня до ночи, и уже въ постели, я чуть не порывался снова встать и исполнить приказаніе лишь бы приобрѣсти покой. Но вскорѣ я засыпалъ и дѣйствіе внушенія прекращалось“ ¹⁾.

Здѣсь передъ нами внушеніе, полученное въ поверхностномъ гипнозѣ.

Авторъ вполне отчетливо помнилъ, какое именно внушеніе ему сдѣлано и ясно сознавалъ, что это не его собственное хотѣніе, а приказаніе гипнотизера. Несмотря на это проф. Bleuler'у пришлось употребить значительныя усилія, чтобы парализовать внушенную ему идею. Эта моторная идея (переставить тарелку), то усиливаясь, то ослабѣвая, все время всплывала въ его сознаниі. Его *свобода хотѣнія* была ограничена, поскольку данная идея не самостоятельно, т.-е. несвободно возникла въ его умѣ, а была навязана ему со стороны; но психологическая свобода выбора (исполнить или же не исполнить внушеніе) нисколько не была стѣснена: вся совокупность его ассоціаціонныхъ процессовъ не потерпѣла существенныхъ измѣненій, и потому, въ тотъ моментъ, когда онъ почти готовъ исполнить приказаніе, появляется воспоминаніе о томъ, что вѣдь это внушеніе, возникаетъ мысль о нелѣпости такого поступка, боязнь показаться смѣшнымъ и т. д.—и всѣ эти контрастирующія представленія отгѣсняютъ первоначальную моторную идею, уменьшая ея импульсивность. Въ результатѣ внушенное хотѣніе не достигаетъ той степени устойчивости, какая вообще необходима, чтобы любая моторная идея вылилась въ двигательный актъ. Но если бы всѣ задерживающія идеи (а въ особенности воспоминаніе о гипнозѣ) разомъ исчезли изъ сферы сознанія; то внушенная мысль быстро обрѣла бы достаточную импульсивность и вызвала бы соотвѣтствующее движеніе. Такое устраненіе задерживаю-

¹⁾ См. А. Forel. Гипнотизмъ. Перев. д-ра Бубиса. Спб., 1905 г., стр. 223; также: Münchener medicin. Wochenschrift, 1889 г., № 5.

щихъ представлений осуществляется при болѣе глубокихъ степеняхъ гипноза, когда выступаетъ на сцену новый факторъ — *постъ-гипнотическая амнезія*. Въ наиболѣе выраженныхъ, типическихъ случаяхъ, субъектъ по пробужденіи ничего не знаетъ о событіяхъ во время гипноза, хотя отчетливо помнить всѣ событія своего прошлаго, какія вообще были доступны его воспоминанію. „Разъ что у даннаго индивидуума“,—говоритъ проф. Forel,—„удалось вызвать амнезію о времени гипноза,—этимъ мы приобрѣтаемъ надъ нимъ значительную власть. Мы можемъ достигнуть того, чтобы онъ забылъ все, что можетъ побуждать къ обдумыванію и къ разрушенію эффектовъ внушенія и наоборотъ, помнить все, что способствуетъ его реализаціи“. Обыкновенно *постъ-гипнотическая амнезія* возникаетъ вполнѣ самостоятельно, независимо отъ намѣренія гипнотизера и является индивидуальной особенностью усыпляемаго субъекта, если послѣдній воспріимчивъ къ глубокимъ степенямъ гипноза. Когда амнезія не развивается сама собой, ее нетрудно вызвать искусственно, путемъ спеціальнаго внушенія. Какъ показываютъ опыты Forel'я, амнезію можно не только ограничить опредѣленными представленіями, но и расширить, распространить на прошедшее, внушить забвеніе вполнѣ сознательно пережитыхъ событій и цѣлыхъ періодовъ жизни. Изъ всего сказаннаго становится ясно, какое огромное значеніе имѣетъ *постъ-гипнотическая амнезія*. Въ мозгъ гипнотика *насилъственно, со стороны* бросаютъ опредѣленную идею и внушаютъ ему, что, проснувшись, онъ ее немедленно забудетъ, а потомъ черезъ столько-то часовъ, дней или мѣсяцевъ, эта идея снова вспыхнетъ въ его умѣ, и онъ исполнитъ все, что она ему продиктуетъ. „Завтра въ 12 часовъ дня—внушаетъ своему больному проф. Forel—вы, собираясь завтракать, вдругъ вспомните, что должны мнѣ наскоро написать, какъ вы себя чувствуете; вы вернетесь въ свою комнату и наскоро напишете мнѣ нѣсколько словъ“. По пробужденіи и до 12 часовъ слѣдующаго дня субъектъ не имѣетъ обо всемъ этомъ ни малѣйшаго понятія; но въ

моментъ, когда онъ садится завтракать, внушенная идея воскресаетъ въ его сознаниіи и внушеніе выполняется въ точности.

Если внушенная идея не заключаетъ въ себѣ ничего страннаго, нелѣпаго или противорѣчащаго обычнымъ склонностямъ индивидуума, то, внезапно возникнувъ въ назначенный срокъ, она немедленно вплетается въ общую цѣпь свойственныхъ данному лицу ассоціацій. Она вступаетъ полноправнымъ членомъ въ сложный комплексъ его психическихъ актовъ, становится *ею собственной*.

Мысль написать проф. Forel'ю о своемъ здоровьѣ вполне гармонируетъ со всѣми окружающими обстоятельствами (интересъ больного къ этому предмету, участие, обычно проявляемое профессоромъ и т. д.); это хотѣніе не наталкивается ни на какія противодѣйствующія ассоціаціи, а потому импульсивность его повышается и быстро достигаетъ той степени, которая необходима для непосредственнаго идеомоторнаго акта. Сознание, что это „моя идея“, „мое личное хотѣніе“ даже не возникаетъ въ умѣ больного, т. к., благодаря амнезій, не появляется и тѣни сомнѣнія въ безусловной свободѣ этого вполне естественнаго хотѣнія. И спрошенный о причинѣ своего поступка больной только и могъ бы отвѣтить: „мнѣ такъ захотѣлось“, „пришла мысль“, т.-е. выражаясь иначе: „я поступилъ свободно, слѣдуя влеченію моего собственнаго я, но, конечно, я могъ поступить иначе, не писать ничего профессору и спокойно приняться завтракать“.

„Я говорю одному гипнотику—разсказываетъ Loewenfeld—днемъ послѣ завтра вы уйдете изъ своей конторы на четверть часа раньше, чѣмъ обыкновенно и, отправляясь домой, вы выберете окольный путь, между прочимъ пойдете по такой-то улицѣ и придете домой только черезъ $\frac{1}{2}$ часа послѣ того, какъ вы оставили контору“. Что было внушено, то и случилось. Этотъ господинъ не находитъ ничего необыкновеннаго въ томъ, что онъ раньше ушелъ изъ конторы и избралъ окольный путь домой. Это былъ капризъ—

не больше; о томъ, что это было ему внушено, онъ не сохранилъ никакого воспоминанія ¹⁾).

Аналогическій случай приводитъ Bernheim: „X., старый морякъ, въ послѣдствіи желѣзнодорожный чиновникъ, образованный, уравновѣшенный, не нервозный человѣкъ... Загипнотизировавъ его, я замѣчаю у изголовья его кровати учебникъ химіи. Вотъ учебникъ химіи—говорю я ему—когда вы проснетесь, вамъ придетъ въ голову идея прочесть въ немъ главу о золотѣ; вы найдете ее въ оглавленіи и прочтете. Затѣмъ, когда я снова подойду къ вамъ, вы скажете: „Золото! если бы оно у меня было, я далъ бы его вамъ много, чтобъ отблагодарить васъ за ваши заботы. Къ несчастію, его у меня совсѣмъ нѣтъ. Золота вѣдь нельзя заработать много ни на морской службѣ, ни на желѣзной дорогѣ“. Черезъ полчаса, разбудивъ его, я удаляюсь и начинаю наблюдать за нимъ издали; онъ отыскиваетъ футляръ, вынимаетъ оттуда очки, надѣваетъ ихъ, беретъ книгу, перелистываетъ ее по меньшей мѣрѣ минутъ пять и читаетъ; я приближаюсь: это глава—золото. „Съ какой стати читаете вы эту главу“ говорю я ему. „Такъ, пришла идея“, говоритъ онъ и черезъ нѣкоторое время прибавляетъ: „Золото, если бы оно у меня было, я вознаградилъ бы васъ“. Снова опускаетъ глаза въ книгу, а потомъ говоритъ: „Да! желѣзнодорожная компанія не очень-то обогащаетъ своихъ служащихъ“.

Въ только что приведенныхъ случаяхъ передъ нами примѣры *внушенныхъ хотѣній*, навязанныхъ со стороны и слѣдовательно не свободныхъ. Однако ихъ появленіе и выполненіе не вызываетъ чувствованія несвободы. А такъ какъ внушенные поступки по своему характеру вполнѣ естественны, то субъектъ не ощущаетъ даже потребности какъ-нибудь мотивировать ихъ. Если же внушенная идея хоть сколько-нибудь странна, но тѣмъ не менѣе достигаетъ достаточной степени импульсивности, если она встрѣчаетъ на пути своего осуществленія хотя бы незначительное противодѣй-

¹⁾ Левенфельдъ, стр. 197.

ствіе, въ видѣ контрастирующихъ идей, то выполняя ее, субъектъ испытываетъ желаніе затушевать это внутреннее противорѣчіе и такъ или иначе мотивировать свой поступокъ. Практика гипноза знаетъ много такихъ случаевъ. „Эта мотивировка бываетъ различна, въ зависимости отъ степени образованія, интеллекта и прежняго жизненнаго опыта“¹⁾. Loewenfeld внушилъ одному гипнотику, чтобы онъ послѣ пробужденія, снялъ предметы, стоящіе на подоконникѣ и открылъ бы окно, что тотъ вскорѣ и исполняетъ; на дворѣ зима и въ комнатѣ ни въ коемъ случаѣ не слишкомъ тепло. Гипнотикъ не помнитъ о событіяхъ во время гипноза и на вопросъ о причинѣ своего поступка отвѣчаетъ: „въ комнатѣ такъ тепло, и я думалъ, что вы ничего не будете имѣть противъ, если я впущу немного свѣжаго воздуха“. При такой мотивировкѣ и благодаря тому, что совершенный поступокъ въ общемъ не выходитъ изъ границъ цѣлесообразности, данное внушеніе не заключаетъ въ себѣ, съ точки зрѣнія гипнотика, ничего неестественнаго, посторонняго, навязчиваго. Мысль, привитая ему во снѣ, хотя и возникла внезапно по пробужденіи, кажется ему принадлежащей его собственному сознанію: мало ли мыслей возникаетъ внезапно! Пожалуй его хотѣніе можетъ показаться нѣсколько страннымъ кому-нибудь изъ присутствующихъ, и вотъ, во избѣжаніе этого, придумывается соответствующая мотивировка. Но это во всякомъ случаѣ было „свободное хотѣніе“, свободный выборъ (открыть или не открыть окно), вообще свободный поступокъ! Совершенно то же самое нерѣдко наблюдается и помимо гипноза, въ нашихъ повседневныхъ хотѣніяхъ и дѣйствіяхъ. Развѣ не бываетъ такъ, что внезапная мысль непосредственно переходитъ въ дѣйствіе, по типу идеомоторнаго акта, и только впоследствии, какъ бы заднимъ числомъ, часто въ отвѣтъ на вопросъ или протестъ, сочиняется соответственный мотивъ, подчасъ не лишенный натяжки.

¹⁾ Тамъ же стр. 194.

„Одного интеллигентнаго кандидата правъ, хорошо знавшаго теорію гипноза, рассказываетъ Fogel— „я погрузилъ въ глубокой сонъ съ полной амнезіей. Я внушилъ ему обратиться по пробужденіи къ присутствующему д-ру Д. и спросить его, какъ его имя и откуда онъ родомъ, а также о томъ занимался ли онъ уже гипнотизмомъ. Такъ и случилось, но кандидатъ еще присовокупилъ: „мнѣ кажется, что я васъ уже видѣлъ, не зовутъ ли васъ Х?“ Получивъ неподходящій отвѣтъ, кандидатъ замѣтилъ, что онъ, должно быть, ошибается и затѣмъ ушелъ. На слѣдующій день я спросилъ его, почему онъ послѣ нашего прошлаго сеанса, такъ интерпеллировалъ д-ра Д? „Я полагалъ, что это знакомый, оказалось— нѣтъ“. „Предложили ли вы этотъ вопросъ по собственному побужденію, слѣдуя своей свободной волѣ?“ Кандидатъ удивленно взглянулъ на меня: „разумѣется“. Не было ли здѣсь, быть можетъ, внушенія, исходившаго отъ меня? „Нѣтъ, я по крайней мѣрѣ объ этомъ ничего не знаю“. Затѣмъ онъ нѣсколько заволновался, вынулъ платокъ, высморкался и спросилъ меня: „Вотъ я теперь высморкался; это тоже, пожалуй, внушеніе?“ (Здѣсь внушенія не было). По его увѣренію, онъ не имѣлъ ни малѣйшаго представленія о томъ, что вопросъ, обращенный къ д-ру Д., сдѣланъ былъ имъ не по естественному, самостоятельному побужденію, и былъ очень смущенъ и заинтересованъ моимъ объясненіемъ“.

Этотъ случай во многомъ аналогиченъ предыдущему (внушеніе открыть окно). И здѣсь внушеніе выполняется при наличности слабой противодѣйствующей ассоціаціи (странность внезапнаго вопроса, обращеннаго къ незнакомому лицу); но этотъ слабый протестъ немедленно затухаетъ: „мнѣ кажется, что я васъ уже видѣлъ“, и такой прибавкой *отъ себя* весь поступокъ сразу получаетъ вполне удовлетворительное объясненіе. На другой день гипнотикъ увѣренъ въ томъ, что онъ дѣйствовалъ по собственной инициативѣ, вполне свободно, совершенно также какъ то, что онъ теперь вынимаетъ платокъ и сморкается.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ такими внушеніями, которыя какъ бы охотно воспринимаются субъектомъ, или же встрѣчаютъ съ его стороны лишь едва уловимое сопротивление. И мы видѣли, что чувствованіе свободы сохраняется при этомъ въ полной степени.

Не то бываетъ, когда внушенная идея сильно противорѣчить всей совокупности привычныхъ и стойкихъ ассоціацій субъекта. Тогда ея насильственный характеръ воспринимается болѣе или менѣе явственно и, сообразно этому, чувствованіе свободы подвергается различнымъ колебаніямъ. Часто гипнотикъ сознаетъ, что въ его волевымъ рѣшеніи кроется что-то странное, смутно намекающее на принужденіе. Такое состояніе испытывала одна больная, которая, исполняя внушеніе Richet, посѣтила его въ назначенный часъ и растерянно объясняла: „Я не знаю, зачѣмъ я пришла; погода ужасная, у меня гости; это глупо, я не понимаю, зачѣмъ я пришла“. Иногда это чувствованіе принужденія выражается въ болѣе опредѣленной формѣ: „Я не знаю, какъ это случилось, но я чувствовала, будто меня что-то побуждаетъ это сдѣлать“. Въ этихъ случаяхъ имѣется полная аналогія съ такъ называемыми навязчивыми явленіями (*Zwangsercheinungen*) которыя, не возникая путемъ ассоціаціи, а выплывая непосредственно, съ такой силой вторгаются въ кругъ идей, что они не могутъ быть удалены изъ него, хотя индивидуумъ и признаетъ ихъ чуждыми, не принадлежащими его я.

Далѣе, если субъектъ уже много разъ получалъ и выполнялъ постъ-гипнотическія приказанія, онъ, чувствуя какой-нибудь сильный импульсъ, легко можетъ заподозрить, что ему сдѣлано постъ-гипнотическое внушеніе: „я собственно не могу сказать, почему я такъ поступилъ; можетъ быть вы внушили мнѣ это во снѣ?“ Наконецъ, иногда идея появляется не какъ самопроизвольно-субъективная, а какъ неожиданное воспоминаніе о гипнозѣ: „внезапно въ 12 часовъ я вспомнилъ, что вы мнѣ сказали во снѣ, чтобы я пришелъ къ вамъ“. Въ такихъ случаяхъ имѣется неполная или нарушенная амнезія.

Такимъ образомъ, передъ нами цѣлая лѣстница, ступени которой изображаютъ собой различныя состоянія сознанія, переживаемыя гипнотикомъ въ моментъ реализаціи постъ-гипнотическаго внушенія и непосредственно послѣ. Внизу помѣщаются тѣ случаи, гдѣ субъектъ *знаетъ*, что ему сдѣлано внушеніе; выше—онъ только *подозрѣваетъ это*; еще выше—хотя ничего не подозрѣваетъ, но *чувствуетъ смутно или ясно какое-то принужденіе* и, наконецъ, на самомъ верху—нѣтъ ни малѣйшаго намека на насильственный характеръ внушенной идеи, и гипнотикъ выполняетъ ее субъективно-непринужденно, какъ всякій нормальный, свободный волевой актъ. Случаи послѣдняго рода говорятъ сами за себя. Они показываютъ съ достаточной ясностью, что содержаніе внушенія „можно вплести въ нормальную дѣятельность нормальной бодрствующей души, при чемъ человѣкъ (по словамъ Forel'я) впадаетъ въ полное заблужденіе и полагаетъ, что онъ мыслить и хотеть самопроизвольно, ни минуты не подозрѣвая, что вдохновитель его мысли и виновникъ его движеній—гипнотизеръ.

„Это настоящая «demonstratio ad oculos»—говоритъ Forel, показывающая, что наша субъективно свободная воля, объективно нѣчто условное. Изреченіе Спинозы—иллюзія свободной воли—ничто иное, какъ познаніе причинъ нашихъ рѣшеній—ничѣмъ не иллюстрируется такъ наглядно, какъ такимъ гипнотическимъ экспериментомъ“.

Но мало того. Эта иллюзія можетъ служить и предметомъ прямого внушенія; „можно заранѣе устранить изъ внушенной идеи всякій принудительный элементъ, прямо внушить самостоятельный волевой актъ: „вы не будете имѣть никакого понятія о томъ, что я вамъ сказалъ во снѣ; это идея—вполнѣ ваша собственная“. Такимъ путемъ внушается самый поступокъ и его спутникъ—чувствованіе свободного волевого рѣшенія. Наконецъ, для большей гарантіи, можно попытаться внушить полную амнезію не только относительно событій, происшедшихъ во время сеанса, но и къ самому факту гипнотизированія (что иногда удается у очень

восприимчивыхъ субъектовъ): „Васъ никогда не гипнотизировали; если Васъ объ этомъ спросить, вы будете божиться, что въ своей жизни никѣмъ никогда не усыплялись; я васъ никогда не усыплялъ“. „Въ этомъ,—замѣчаетъ проф. Forel,—можетъ быть кроется опасность гипноза съ судебно-медицинской точки зрѣнія“.

Но я все время умышленно не затрогивалъ спорной области уголовно-правового гипноза. Моя цѣль состояла не въ томъ, чтобы доказать, что человекъ, подъ вліяніемъ внушенія, можетъ совершить поступокъ, противорѣчащій его привычкамъ и основнымъ склонностямъ. И какъ бы ни было соблазнительно коснуться здѣсь ученія Нансійской школы и ея противниковъ, я обойду этотъ вопросъ, о которомъ упомянулъ лишь во избѣжаніе недоразумѣній. Приведу лишь мнѣніе большинства современныхъ изслѣдователей (Forel, Loewenfeld, Delboeuf и т. д.), по которому далеко не всякое внушеніе усваивается, и гипнотикъ „сохраняетъ до извѣстной степени свою индивидуальную этическую и эстетическую реакцію на неэтическое и неэстетическое внушеніе“. (Forel.)

Теперь можно было бы попытаться сдѣлать выводъ изъ анализа приведеннаго матеріала, но, кажется, необходимо предварительно отвѣтить на слѣдующій вопросъ: можно ли считать вполне нормальной психику гипнотика въ моментъ реализаціи внушенія? И не есть ли это „душевная аномалія“, на которой непозволительно основывать никакихъ заключеній?

Не подлежитъ сомнѣнію, что нѣкоторые субъекты передъ самымъ исполненіемъ внушенія снова впадаютъ въ гипнозъ: взглядъ ихъ становится неподвижнымъ, движенія скованы и т. д. Это состояніе проходитъ, какъ только внушеніе исполнено. Иногда, по наблюденіямъ Koehler'a,—это только полу-гипнозъ, иногда быстрое чередованіе бодрствованія и сна, то, что этотъ авторъ называетъ „перемежающимся гипноиднымъ состояніемъ“. Koehler обобщаетъ подобные случаи, полагая, что новый гипнозъ—есть необхо-

димое условіе для удачной реализаціи постъ-гипнотическаго внушенія,—*veille somnambulique*, какъ называлъ это состояніе Beaunis. Но позднѣйшія наблюденія показали, что цѣлый рядъ постъ-гипнотическихъ внушеній выполняется *при полномъ бодрствованіи субъекта*. Здѣсь имѣются всевозможныя ступени—говоритъ Forel,—отъ неподвижнаго до вполнѣ яснаго взгляда, отъ лишеннаго всякой критики автоматизма, для котораго самая грубая безсмыслица становится какъ во снѣ, вполнѣ естественной и понятной, до наиболѣе ожесточенной борьбы съ насиліемъ, съ импульсомъ внушенія. Loewenfeld, имѣющій многолѣтній гипнотическій опытъ, выражается еще болѣе опредѣленно: „я не наблюдалъ“,—говоритъ онъ,—„ни одного случая, въ которомъ выполнение постъ-гипнотическаго внушенія было бы связано съ наступленіемъ новаго гипноза“.

Примѣры, подобранные мною, относятся именно къ послѣдней категоріи внушеній, выполняемыхъ вполнѣ сознательно, „наяву“.

Вспомнимъ хотя бы того кандидата правъ, которому было внушено обратиться по пробужденіи съ неумѣстными вопросами къ незнакомому ему д-ру Д. Если бы это внушеніе было выполнено не наяву, а въ гипнозѣ (или въ какомъ-нибудь „перемежающемся гипноидномъ состояніи“ Koebler'a), то на другой день этотъ гипнотикъ либо ничего не помнилъ бы о случившемся, либо заявилъ бы, что онъ находился въ какомъ-то странномъ состояніи; но ужъ, конечно, онъ не отстаивалъ бы такъ энергично самопроизвольности и свободы своего поступка. Данный случай, какъ и нѣкоторые другіе, заимствованъ нами у Forel'я, который, по его собственнымъ словамъ, очень интересовался этимъ вопросомъ и поэтому тщательно наблюдалъ своихъ гипнотиковъ въ моментъ выполнения внушенія. И онъ окончательно убѣдился въ томъ, что „внушеніе можно вплести въ *нормальную дѣятельность нормальной бодрствующей души* такимъ образомъ, чтобы не получилось никакого, похожаго на гипнозъ, побочнаго явленія“.

Самый волевой актъ въ приведенныхъ случаяхъ по своему психическому механизму ничѣмъ не отличается отъ нормальнаго волевого акта: въ сферѣ бодрствующаго сознанія появляется хотѣніе, т. е. окрашенное опредѣленной эмоціей двигательное представленіе; послѣднее либо безъ всякой задержки, либо послѣ нѣкотораго колебанія (актъ выбора), возрастаетъ въ своей импульсивности и, наконецъ, переходитъ въ дѣйствіе; и весь этотъ процессъ, въ его цѣломъ, сопровождается особой эмоціей самодѣятельности и чувствованіемъ свободы. Это—повседневный волевой актъ. То обстоятельство, что первый періодъ этого акта—хотѣніе—образовался не самостоятельно въ предѣлахъ индивидуальной психики, а обусловленъ извнѣ, нисколько не компрометируетъ его нормальнаго характера. Спросимъ себя, много ли идей и хотѣній самостоятельно возникаетъ въ нашемъ умѣ? Не есть ли внушаемость одно изъ основныхъ свойствъ человѣческой природы? И развѣ мы въ личной и общественной жизни не окружены густой сѣтью всевозможныхъ внушеній, которыя, подъ именемъ „вліянія“, „традиціи“, „предразсудка“ „авторитета“ „подражанія и т. д., безпрестанно направляютъ нашу волю и диктуютъ намъ не только единичные поступки, но нерѣдко цѣлый планъ многолѣтняго поведенія? И окруженные этой общей атмосферой внушенія, не чувствуя ея, какъ мы не чувствуемъ миллионъ-фунтоваго давленія атмосфернаго воздуха, повинаясь безчисленнымъ гипнотизерамъ, гипнотизируя сами, проходимъ мы жизненный путь, тѣшась миражемъ свободы!

Но вернемся къ чувствованію свободы. Рядъ гипнотическихъ экспериментовъ показалъ намъ цѣлую скалу, по которой совершаются колебанія этого чувства. И оказалось, что при одномъ условіи, а именно при амнезіи, максимумъ субъективной свободы можетъ соответствовать максимуму объективнаго принужденія. Выполняя внушеніе, гипнотикъ думаетъ, что онъ можетъ поступить иначе... Да, онъ можетъ, но только если гипнотизеръ внушитъ ему иное

хотѣніе, или, ничего не внушивъ, предоставить его ассоціаціонные процессы ихъ собственному теченію!

Теперь мы можемъ обратиться къ выводамъ, которые напрашиваются сами собой. Мы изслѣдовали достовѣрность и правдивость чувствованія свободы. Насъ интересовалъ вопросъ, является ли чувствованіе свободы точнымъ показателемъ объективной свободы, внутреннимъ коррелятомъ послѣдней. Мы ограничивали и уничтожали объективную свободу и слѣдили за тѣмъ, ограничивается ли и уничтожается ли этотъ предполагаемый коррелятъ. Ограниченіе и уничтоженіе свободы вызывалось экспериментаторомъ-гипнотизеромъ, о чувствованіи свободы сообщалъ намъ испытуемый гипнотикъ, поставленный въ такія условія, чтобы онъ не зналъ ничего о намѣреніяхъ экспериментатора.

Выводъ получился такой:

Ограниченіе объективной свободы, т. е. объективное принужденіе, можетъ вызывать ограниченіе чувствованія свободы, но только тогда, когда, вслѣдствіе несовершенства опыта, испытуемый знаетъ или догадывается о намѣреніи экспериментатора; зато въ чистыхъ случаяхъ чувствованіе свободы не претерпѣваетъ никакихъ измѣненій, не взирая на очевидное принужденіе; изъ этого вытекаетъ, что чувствованіе свободы не можетъ считаться показателемъ истиннаго положенія дѣла: оно не есть точный коррелятъ объективной дѣйствительности и не относится къ объективной свободѣ, какъ слѣдствіе къ причинѣ. Это чувствованіе обманчиво; это заблужденіе нашего самосозанія; *чувствованіе свободы—интроспективная иллюзія.*

Во второй части моего доклада я постараюсь выяснитъ, на основаніи психіатрическаго матеріала, какія условія психологически необходимы для появленія иллюзіи свободы.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Проф. Ноше въ своей небольшой работѣ „Die Freiheit des Willens vom Standpunkte der Psychopathologie“ воспользовался психіатрическими наблюденіями для доказательства обманчивости чувствованія свободы. Но онъ ничего не говоритъ о тѣхъ условіяхъ, которыя психологически необходимы для возникновенія этой иллюзіи; мнѣ кажется, что психопатологическій матеріалъ даетъ для разрѣшенія именно этой задачи цѣлый рядъ интересныхъ и весьма поучительныхъ данныхъ. Но прежде чѣмъ приступить къ психологическому анализу нѣкоторыхъ формъ душевныхъ разстройствъ, не могу не вспомнить, что ученіе о свободѣ воли или философскій индетерминизмъ всегда вступалъ въ рѣзкое противорѣчіе съ обширной группой психопатологическихъ фактовъ, съ наукой о душевныхъ болѣзняхъ. И приверженцы свободы воли нерѣдко обнаруживали склонность разъ на всегда отдѣлаться отъ этой неудобной для нихъ области, заявляя, что свободна только здоровая воля душевно-здороваго субъекта, а что касается воли душевно-больного то послѣдняя, разумѣется, не свободна; о ней, слѣдовательно, нечего и говорить.

Излишне было бы доказывать, что такой простой выходъ изъ затрудненія нисколько не является выходомъ. Начать съ того, что возникновеніе душевной болѣзни у субъекта, бывшаго до того совершенно здоровымъ, происходитъ подчасъ съ такой постепенностью, болѣзнь столь незамѣтно подкрадывается, что нерѣдко исчезаетъ всякая возможность точно обозначить ея начало. Въ какой же моментъ утрачивается свобода воли? И когда именно она возвращается при наступающемъ выздоровленіи больного? И, наконецъ, по справедливому замѣчанію С. С. Корсакова, какъ это можетъ случиться, что свободная воля, не подлежащая закону причинности, вдругъ подпадаетъ подъ этотъ законъ, измѣ-

нивѣ такимъ образомъ свою сокровенную сущность? Все это вполне естественные вопросы. И если ихъ пытается разрѣшить, хотя бы приблизительно, психіатрическая экспертиза для практическихъ цѣлей судопроизводства, то тѣмъ болѣе обязано это сдѣлать философское ученіе, претендующее на абсолютную цѣнность своихъ построений.

Едва ли не большую трудность, съ точки зрѣнія индетерминизма, представляютъ тѣ недостаточно выраженные формы душевныхъ разстройствъ, гдѣ настоящей болѣзни еще нѣтъ, но нѣтъ и полного здоровья—всѣ эти дегенеративные типы, съ ихъ быстрыми колебаніями настроенія, съ ихъ неустойчивостью психическихъ функцій—цѣлая масса врожденныхъ особенностей, съ трудомъ поддающихся научной классификаціи. Вѣдь граница между *нормой* и *аномаліей* крайне неопредѣленна и расплывчата. „Психіатры были бы очень рады, замѣчаетъ проф. Носче,—если бы они имѣли въ рукахъ готовый масштабъ, чтобы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ быстро рѣшать вопросъ о болѣзни или здоровьи даннаго индивидуума“. Такой критерій былъ бы возможенъ, если бы появленіе душевной болѣзни вносило въ психику больного какой-либо принципиально новый элементъ, качественно отличающійся отъ элементовъ нормальной душевной жизни. Но въ дѣйствительности этого нѣтъ, вопреки популярному житейскому воззрѣнію, къ которому невольно примыкаютъ и защитники свободы воли. Въ дѣйствительности механика психическихъ процессовъ не подвергается никакимъ существеннымъ измѣненіямъ. Нѣтъ такой бредовой идеи, которая—по словамъ проф. Носче,—не имѣла бы своего прототипа въ заблужденіяхъ нормальнаго ума, въ предразсудкахъ и суевѣріяхъ. Подавленное настроеніе меланхолика ничѣмъ не отличается по своему качеству отъ той острой печали и глубокой тоски, которыя испытываются и здоровыми людьми при соотвѣтствующихъ обстоятельствахъ. Эти явленія признаются болѣзненными, либо по своему происхожденію, если они возникаютъ независимо отъ процесса логической мотивациі и безъ достаточныхъ, лежа-

шихъ во внѣ основаній, либо по своей исключительной интенсивности, упорству и неустранимости путемъ обычныхъ психическихъ воздѣйствій. Но, какъ сказано выше, ничего принципиально новаго здѣсь нѣтъ: идеи остаются идеями, чувства—чувствами и по тѣмъ же психологическимъ законамъ разыгрываются волевые акты. Отсюда слѣдуетъ, что если воля нормальнаго индивида дѣйствительно свободна, то индетерминизмъ, желая оставаться послѣдовательнымъ, не имѣетъ никакихъ логическихъ поводовъ отрицать свободу воли у душевно-больныхъ.

И такое мнѣніе дѣйствительно было высказано. Л. М. Лопатинъ, который усматриваетъ свободу воли вообще—въ творческой силѣ личности. „Свобода творчества,—говоритъ онъ—живетъ и въ сумасшедшемъ и сказывается въ его безтолковыхъ выходкахъ“¹⁾. Въ основѣ этого рискованнаго парадокса лежитъ тотъ распространенный взглядъ, по которому каждый больной сходитъ съ ума по своему: кто много ревновалъ, тотъ начинаетъ страдать бредомъ ревности, кто безъ конца судился—заболѣваетъ сутяжной формой помѣшательства, словомъ, болѣзнь будто бы развивается психологически, а отсюда отчаянныя попытки окружающихъ устранить бредовыя идеи путемъ убѣжденія и нравственнаго воздѣйствія. Но мы знаемъ, что подобная точка зрѣнія совершенно недопустима. Мы знаемъ, что „свобода творчества“ душевнобольныхъ далеко не разнообразна и легко вмѣщается въ сравнительно узкія классификаціонныя рамки. Намъ извѣстны рѣзко очерченные *типы* психическихъ разстройствъ, ихъ однообразныя симптомы и заранѣе определенное теченіе. И кто бы ни были больные (Оттонъ баварскій, или нищій бродяга, житель Абиссиніи или Норвегіи, мудрецъ или невѣжда), но заболѣвъ извѣстнымъ типомъ душевнаго расстройства—всѣ демонстрируютъ своимъ врачамъ одинаковыя по существу симптомы, какъ будто сговорившись между собой, они выучили наизусть десятокъ

¹⁾ Л. М. Лопатинъ, 1. с. стр. 161.

страницъ спеціального руководства. Древній міръ и средніе вѣка наблюдали тѣ же клиническія картины, какія изучаются и теперь во всѣхъ психіатрическихъ больницахъ. Метафизикъ могъ бы сказать, что образцы этихъ формъ, подобно идеямъ Платона, пребываютъ гдѣ-то за предѣлами міра въ какой-то зловѣщей неподвижности и что невѣдомая сила отъ времени до времени намѣчаетъ среди людей свою жертву, неудержимо толкая ее на самое детальное подражаніе. Словомъ, изученіе закономерности и постоянства клиническихъ формъ сразу исключаетъ всякую мысль о свободѣ. Но если проф. Лопатинъ имѣетъ въ виду *субъективную свободу*, то можно вполне признать, что это „чувствованіе свободы“ существуетъ въ полной мѣрѣ у цѣлыхъ группъ душевнобольныхъ. За примѣрами ходить недалеко.

Возьмемъ одинъ изъ основныхъ типовъ психозовъ, извѣстный подъ именемъ первичнаго помѣшательства, *paranoia primaria chronica*. Здѣсь, при довольно ясномъ сознаніи, на первомъ планѣ стоятъ первично-развивающіяся бредовыя идеи, т.-е. ложное истолкованіе дѣйствительности, причемъ этотъ бредъ постепенно складывается въ болѣе или менѣе стройную и незыблемую систему. Такіе больные при первомъ знакомствѣ съ ними нисколько не производятъ впечатлѣнія больныхъ: они здраво рассуждаютъ обо всемъ, что не входитъ въ сферу ихъ бреда, сохраняютъ всѣ свои профессиональныя знанія и нерѣдко даже обладаютъ недюжинными талантами къ поэзіи, музыкѣ и т. д. Сознаніе болѣзни у параноиковъ всецѣло отсутствуетъ, и больные при всѣхъ своихъ волевыхъ актахъ не испытываютъ ни малѣйшаго принужденія: они хотятъ, выбираютъ и дѣйствуютъ совершенно свободно. Я какъ-то говорилъ о свободѣ воли съ одной моей больной, интеллигентной женщиной, страдающей параноей, и она въ защиту свободы воли ссылалась на свой внутренній опытъ и приводила постулятивные аргументы, касающіеся религіи и морали: она была убѣжденной индетерминисткой и даже цитиро-

вала мнѣ рефератъ проф. Лопатина. А между тѣмъ незадолго до нашей бесѣды больная подъ вліяніемъ своего бреда совершила одинъ изъ крайне нелѣпыхъ агрессивныхъ поступковъ, какіе нерѣдко наблюдаются у категоріи параноиковъ—*persécutés-persécuteurs*—къ которой она имѣла несчастье принадлежать. Это покушеніе представлялось ей всецѣло „актомъ свободнаго творчества“.

Или возьмемъ прогрессивнаго паралитика, къ которому, по выраженію Schüle, безшумно и тихо подкралась его болѣзнь: онъ уже не тотъ человѣкъ, но самъ онъ этого нисколько не замѣчаетъ; его память, сужденія, эмоціи, его волевые акты уже носятъ на себѣ типическій отпечатокъ болѣзни: это болѣзнь заставила его закурить въ театрѣ, закупить цѣлую массу дорогихъ и ненужныхъ вещей, манкировать служебными обязанностями, а самъ онъ смѣется и не видитъ въ своемъ поведеніи ничего страннаго и нелѣпаго. Внутренній опытъ говоритъ ему, что онъ также свободенъ, какъ раньше.

То же самое наблюдается при нѣкоторыхъ формахъ циркулярнаго помѣшательства, гдѣ происходитъ поочередная смѣна меланхолическаго и маниакальнаго ¹⁾ состоянія. Проф. Корсаковъ зналъ одну 80-лѣтнюю больную, у которой эти смѣны происходили съ удивительной правильностью почти полстолѣтія. Здѣсь передъ наблюдателемъ чередуются двѣ совершенно разныя психическія личности, напоминающія то чередованіе, которое наблюдалъ Azam у знаменитой Фелиды: это два сознанія, двѣ эмоціональныя сферы, двѣ совершенно различныя воли! И въ каждомъ періодѣ (меланхолическомъ или маниакальномъ) больные указаннаго типа чувствуютъ себя совершенно свободными. Одинъ изъ моихъ больныхъ, обнаруживавшій въ маниакальный періодъ самый безпорядочный „бредъ актовъ“, оправившись отъ приступа, далъ нижеслѣдующій отчетъ о своемъ недавнемъ состояніи (боль-

¹⁾ Маниакальнымъ состояніемъ (въ противоположность меланхолическому) называется состояніе психическаго и двигательнаго возбужденія съ повышеннымъ самочувствіемъ, болтливостью и т. п.

ной интеллигентный человекъ, естественникъ, знакомый съ философией): „Могу сказать съ положительностью, что я не испытывалъ ни малѣйшаго принужденія; тѣ поступки, о которыхъ мнѣ теперь не хочется вспоминать, я ни минуты не приписывалъ болѣзни (хотя я вѣдь зналъ, что у меня циркулярный психозъ); моя кипучая энергія мнѣ даже нравилась; я любовался своей сильной волей и, конечно, вполне чувствовалъ, что она свободна“.

Однако при опредѣленныхъ душевныхъ болѣзняхъ чувствованіе свободы бываетъ ограничено и даже вполне уничтожено. И вотъ, чтобы выяснитъ условія, необходимыя для появленія или исчезновенія чувствованія свободы, удобно послѣдовательно разсмотрѣть такъ называемыя *импульсивныя дѣйствія* (*идѣе чувствованье свободы имѣется на лицѣ*) и *насильственныя дѣйствія*, гдѣ чувствованье свободы отсутствуетъ; сопоставленіе тѣхъ и другихъ позволяетъ придти къ нѣкоторымъ, какъ кажется мнѣ, не лишеннымъ интереса заключеніямъ.

Отличительной чертой импульсивнаго дѣйствія служить то, что появившееся хотѣніе, не встрѣчая никакихъ контрастирующихъ идей, быстро заполняетъ собой сферу сознанія и, достигая своего высшаго напряженія, непосредственно переходитъ въ двигательный актъ. Дѣйствіе совершается почти одновременно съ тѣмъ, какъ влеченіе достигаетъ сознанія. Только послѣ совершенія поступка, субъектъ можетъ усвоить его значеніе, подвергнуть критикѣ и обсудить послѣдствія. Большею частью приступъ является неожиданно и влечетъ человекъ къ совершенію какого-нибудь безсмысленнаго и даже преступнаго дѣйствія, находящагося въ рѣзкой дисгармоніи съ его основными свойствами и интересами. Однако онъ не теряетъ сознанія; впоследствии онъ ясно помнитъ и свое хотѣніе и весь процессъ его реализаціи и можетъ точно описать намъ то состояніе *моноидеизма*, которое имъ овладѣло. Такіе патологическіе, чрезмѣрные по своей силѣ импульсы наблюдаются и у здоровыхъ субъектовъ при утомленіи, озабочен-

ности, а также у эпилептиковъ и въ цѣломъ рядѣ душевныхъ болѣзней, которыхъ нѣтъ надобности перечислять. ¹⁾— Ненормальные по силѣ и быстротѣ своего разряда, импульсивныя дѣйствія *своимъ механизмомъ* ничѣмъ, однако, не отличаются отъ нормального волевого акта. Это типичный образчикъ „идео-моторнаго акта“, въ которомъ мысль о томъ или иномъ движеніи вызываетъ послѣднее непосредственно. „Только что мы успѣли подумать о дѣйстви, — говоритъ James, — какъ оно уже совершено нами. Докторъ Карпентеръ, впервые употребившій (насколько мнѣ извѣстно) выраженіе идео-моторный актъ, относитъ его къ числу рѣдкихъ психическихъ явленій. На самомъ же дѣлѣ это просто нормальный волевой актъ, не замаскированный никакими посторонними явленіями. Во время разговора я замѣчаю булавку на полу, или пыль у себя на рукавѣ; не прерывая разговора я поднимаю булавку или стираю пыль. Во мнѣ не возникаетъ никакого особаго рѣшенія по поводу этихъ дѣйствій; они совершаются просто подъ вліяніемъ извѣстнаго воспріятія или проносящейся въ мозгу моторной идеи“. Такіе повседневные идео-моторные акты лишь тѣмъ отличаются отъ импульсивныхъ дѣйствій, что въ послѣднихъ имѣется патологическое для даннаго индивида содержаніе (напримѣръ, поджогъ), которое къ тому же обладаетъ чрезмѣрной болѣзненной напряженностью, но оба явленія по своему качеству равноцѣнны и съ формальной стороны однородны. Состояніе, въ которомъ находятся такіе больные, во многомъ напоминаетъ состояніе гипнотиковъ, пораженныхъ амнезіей и гладко выполняющихъ постъ-гипнотическое внушеніе. Сфера ихъ сознанія сужена, привычныя ассоціаціи подавлены, критическая дѣятельность молчитъ. ²⁾ И такъ же, какъ у гипнотиковъ, у нихъ

¹⁾ См. Корсаковъ, Курсъ Психіатріи. Изд. 1901 г. стр. 250.

²⁾ Интересный случай импульсивнаго акта приводитъ Хрулевъ. 18-лѣтняя крестьянка Агафья, вышла замужъ по любви за крестьянина М. Молодые жили дружно; Агафья была очень счастлива и съ нетерпѣніемъ ожидала вечера, когда мужъ возвращался домой. Однажды, черезъ двѣ недѣли

но возникаетъ никакого *чувствованія несвободы*, несмотря на объективно-явственное психическое принужденіе. Только *потомъ* больной видитъ, что его поступокъ противорѣчитъ кореннымъ образомъ его характеру и привычкамъ; *теперь* онъ понимаетъ и сознаетъ, что *тогда* онъ былъ несвободенъ, но это ретроспективное, запоздалое сознаніе; *тогда* онъ чувствовалъ лишь присутствіе своего влеченія, которое и выполнилъ субъективно-непринужденно, какъ всякій привычный и естественный актъ.

Иное наблюдается при такъ называемыхъ насильственныхъ или навязчивыхъ влеченіяхъ. Тутъ больной сознаетъ, что „его влеченіе совершенно безумно“, но не можетъ его побороть. Онъ предвидитъ всѣ его послѣдствія, но не въ состояніи преодолѣть того мученія, которое испытываетъ до удовлетворенія своего безрасуднаго, вреднаго для него самого и для окружающихъ влеченія. Какъ примѣръ можно привести одну больную дѣвушку, о которой рассказываетъ Эрлицкій. ¹⁾ Воспитанная въ лучшемъ столичномъ пансіонѣ, она съ нѣкотораго времени ощущаетъ неодолимую потребность говорить своимъ близкимъ и подругамъ о себѣ всевозможныя небылицы, порочащія ее въ отношеніи нравственности. Ясно сознавая все неприличіе и крайній вредъ такихъ разсказовъ, она не можетъ однако владѣть собой; съ каждымъ годомъ навязчивое влеченіе усиливается: теперь она даже

послѣ свадьбы, поздно вечеромъ Агафья, разговаривая съ мужемъ, вдругъ вспомнила, что оставила на берегу пруда нитки и попросила мужа пойти съ нею за ними. Какъ только они вошли въ лозу на берегу пруда, М., шедшій впереди, вдругъ получилъ ударъ топоромъ въ голову, отъ котораго упалъ безъ чувствъ. На допросѣ Агафья показала судебному слѣдователю, что, идя за нитками, она взяла приготовленный заранѣе топоръ, которымъ и ударила мужа, но съ какой цѣлью сдѣлала это, объяснить не можетъ и сама не понимаетъ, ибо не было никакихъ побудительныхъ къ тому причинъ. И, дѣйствительно, несмотря на все стараніе судебного слѣдователя, ему не удалось обнаружить даже намека на какія-либо побудительныя причины убить М. Рана М. оказалась легкой; онъ скорѣй оправился, и молодые супруги зажили *совершенно счастливо*. (Цитирую въ сокращенномъ видѣ по Корсакову, Курсъ Психіатріи стр. 732).

¹⁾ Эрлицкій. Клиническія лекціи по душевнымъ болѣзнямъ С.-ПБ. 1896, стр. 98—99.

малознакомымъ людямъ рассказываетъ, что она воровка, пьяница, совершенно погибшая женщина; мало того, она пишетъ всѣ эти исторіи на отдѣльныхъ бумажкахъ и разбрасываетъ ихъ въ знакомыхъ домахъ и на улицахъ. „Большая вполнѣ понимала тотъ вредъ, который она наноситъ своей репутации, сознавала всю ложь взводимыхъ ею на себя обвиненій и все-таки не могла удержаться, несмотря на отчаяніе, въ которое ее приводило ея поведеніе, совершенно противорѣчащее ея нравственнымъ и интеллектуальнымъ качествамъ“. Часто навязчивыя влеченія носятъ совершенно невинный характеръ: кивнуть головой, стукнуть три раза вначалѣ cadaго дѣйствія, считать окна зданій и т. п. Больной только тогда спокоенъ, если онъ все это продѣлалъ, если же нѣтъ онъ будетъ мучиться, какъ будто не исполнилъ самаго священнаго долга. Обращаясь, къ врачу и рассказывая о своемъ душевномъ состояніи, такіе больные вполнѣ опредѣленно характеризуютъ свои импульсы, какъ насильственные, принудительные, *не свободные*. „Мнѣ кажется, что кто-то заставляетъ меня дѣлать это“, говоритъ больной. Иногда малоразвитые и суевѣрные больные увѣрены въ томъ, что дѣйствительно то или иное лицо нарочно вызвало у нихъ проявленіе такой болѣзни: „Что-то толкаетъ меня, завладѣло моей волей“, жалуются больные, чувствуя себя *несвободными*. Эти несчастные нерѣдко борются изъ послѣднихъ силъ и, наконецъ, сами приходятъ въ лечебницу. Одинъ сапожникъ, рассказываетъ Моро-де-Туръ, пришелъ въ больницу Бисетръ съ жалобой на то, что едва онъ принимается за работу, какъ ему приходитъ въ голову мысль объ убійствѣ жены и дѣтей. Иногда эта мысль сопровождается такой страшной потребностью, что онъ бросаетъ свой рѣзакъ и молотокъ и убѣгаетъ изъ комнаты ¹⁾.

Мнѣ пришлось привести нѣсколько примѣровъ такихъ общеизвѣстныхъ фактовъ, чтобы имѣть возможность яснѣе

¹⁾ Корсаковъ I. с., стр. 253.

подчеркнуть разницу между насильственными влеченіями и вышеизложенными импульсивными актами.

При импульсивныхъ актахъ патологическое хотѣніе такъ быстро достигаетъ своего кульминаціоннаго пункта, что не остается времени ни для критики, ни для борьбы—дѣйствіе наступаетъ непосредственно. Личность больного въ этотъ моментъ ограничена и какъ бы упрощена: всѣ обычныя ассоціаціи умолкли, исчезли условія для выбора, патологическій импульсъ всецѣло доминируетъ въ сферѣ сознанія. Больной напоминаетъ гипнотика съ постъ-гипнотической амнезіей. Всякое чувство *несвободы хотѣнія* и *несвободы выбора* отсутствуетъ и поступокъ выполняется по типу простого идео-моторнаго акта. Наоборотъ, при навязчивыхъ влеченіяхъ, между моментомъ ихъ появленія и моментомъ ихъ выполненія остается нѣкоторый промежутокъ времени для критики и борьбы. Личность больного почти не подвергается ограниченію и упрощенію: обычныя ассоціаціи не только не отошли въ сторону, но властно вторгаются въ сферу сознанія, наперекоръ патологическому импульсу; въ силу этого, условія для акта выбора сполна имѣются на лицо; больной отчетливо сознаетъ несвободу своего хотѣнія²⁾ и иногда съ ужасомъ предвидитъ роковой результатъ несвободнаго выбора, зная заранѣе, что онъ долженъ уступить своему насильственному влеченію. Онъ также напоминаетъ гипнотика, но только другой категоріи: онъ не пораженъ амнезіей, онъ отчетливо сознаетъ, что это хотѣніе—насильственное, что „оно противорѣчитъ его нрав-

²⁾ Одинъ изъ больныхъ Эрлицкаго, очень образованный человѣкъ, занимавшій высокую и вліятельную должность, ежедневно отправляясь изъ своей квартиры на службу, непременно старался зайти или заѣхать по дорогѣ на какую либо пустую улицу и тамъ громкимъ голосомъ нѣсколько разъ вскрикнуть. Описываемый субъектъ держалъ свою странность въ величайшей тайнѣ, отлично сознавая, что въ кругу сослуживцевъ, знакомыхъ и проч. она показалась бы смѣшной и легко могла возбудить неблагопріятные толки. Кромѣ того, онъ самъ, какъ человѣкъ въ высокой степени интеллигентный и серьезнаго направленія мыслей, хорошо понималъ безсмысленность своего недостатка, терзался имъ, всѣми средствами старался избавиться отъ него, но не могъ достигъ прочнаго успѣха. (Эрлицкій, I. с., стр. 98.

ственнымъ или интеллектуальнымъ качествамъ“, онъ борется, не хочетъ его исполнить и съ отчаяніемъ исполняетъ его. Передъ нами такимъ образомъ два ряда патологическихъ фактовъ, двѣ психическія схемы, изъ анализа которыхъ мы можемъ уяснить себѣ, какими условіями вызывается чувство свободы и какими — чувство несвободы. Къ этому анализу я и приступлю, послѣ нѣсколькихъ предварительныхъ замѣчаній.

II.

Въ душѣ человѣка можно различать двоякаго рода процессы: 1) преходящіе, мимолетные, и 2) болѣе постоянные, стойкіе. Сумма послѣднихъ въ ихъ іерархической соподчиненности, свойственной именно данному субъекту, составляетъ характерную особенность того, что принято называть *личностью*. Опытъ показываетъ, что съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ возраста и жизненныхъ обстоятельствъ, измѣняются и эти основные психическіе процессы, нарушается ихъ прежняя группировка, образуются новыя сочетанія. Однако для самосознанія прошлое и настоящее „я“ представляется непрерывнымъ, такъ какъ наступающія измѣненія никогда не происходятъ внезапно, а образуются постепенно, на подобіе медленнаго молекулярнаго процесса. „Основной тонъ“ (какъ выражается Гефдингъ) духовной организаціи взрослога и нормальнаго человѣка, остается болѣе или менѣе постояннымъ. На почвѣ темперамента этого уровня чувствъ въ индивидуумѣ, опредѣляющаго качество и степень его реакціи на внѣшніе и внутренніе процессы откладывается цѣлый слой эмоцій и влеченій, намѣченныхъ наслѣдственностью и привитыхъ условіями роста, взлелѣянныхъ воспитаніемъ, закрѣпленныхъ подражаніемъ и внушеніями окружающей среды. Эта устойчивая констелляція (по терминологіи Oscar'a Vogt'a), какъ бы замкнутая въ кругѣ и тяготеющая къ его центру, господствуетъ надъ мимолетными и случайными метеорами, проносящи-

мися у периферіи; она притягиваетъ одни изъ нихъ и отталкиваетъ другіе. Да будетъ позволено мнѣ, по авторитетному примѣру Виндельбандта, обозначить эту организованную систему привычныхъ влеченій именемъ апперцепирующей волевой массы, въ томъ смыслѣ въ какомъ понимался этотъ терминъ школой Гербарта, или просто „волевой массой“. Это будетъ такимъ образомъ—стойкая система влеченій, цѣлый рядъ схемъ волевой дѣятельности, организованная іерархія привычныхъ реакцій, свойственная данному лицу. И подобно тому, какъ въ психологіи воспріятія апперцепирующая масса опредѣленнымъ образомъ реагируетъ на каждую новую, наступившую извнѣ идею,— (и „этимъ объясняется почему одинъ и тотъ же матеріаль различными образомъ воспринимается перерабатывается и оцѣнивается различными людьми“) точно также апперцепирующая волевая масса впитываетъ въ себя и даетъ исходъ только тѣмъ волевымъ импульсамъ, которые соотвѣтствуютъ ея основнымъ особенностямъ. Въ однихъ случаяхъ она поддерживаетъ даже мимолетный капризъ или минутное влеченіе, усматривая въ нихъ однородный съ собой элементъ и снабжаетъ его двигательной энергіей,—въ другихъ случаяхъ,—едва успѣваетъ этотъ новый импульсъ коснуться начального отрѣзка центробѣжнаго аппарата, какъ вдругъ, цѣлый рядъ привычныхъ ассоціацій—волевая масса всей своей тяжестью—отстраняетъ непрошеннаго пришельца, лишаетъ его побудительной силы и производитъ отклоненіе нервнаго тока въ иномъ направленіи. Въ ея власти (при нормальныхъ условіяхъ) опредѣлить результатъ выбора; „въ моей власти сдѣлать выборъ“, говоритъ субъектъ, и это утвержденіе въ сущности означаетъ лишь то, что выборъ зависитъ отъ меня, отъ моихъ основныхъ стремленій, а не отъ мимолетнаго хотѣнія, которое иногда даже представляется мнѣ „не моимъ“, а какъ будто оно только вошло въ сферу моего сознанія, подобно внѣшнему воспріятію, напримѣръ, воспріятіе какого-нибудь ландшафта. созерцаемаго мною изъ окна вагона. Если онъ не нравит-

ся мнѣ, нарушаетъ нить моихъ мыслей, я отворачиваюсь или закрываю глаза.

Я воспользуюсь концепціей волевой массы, которой противопологаю отдѣльный волевой элементъ, для анализа приведенныхъ выше психопатологическихъ состояній.

Задумимся теперь вопросомъ, что произойдетъ съ *чувствованіемъ свободы*, если мы попробуемъ устранить изъ индивидуального сознанія его волевою массу и сохранимъ лишь обособленный волевой элементъ? Это мы можемъ прослѣдить при нѣкоторыхъ постъ-гипнотическихъ внушеніяхъ и при импульсивныхъ дѣйствіяхъ душевнобольныхъ. Въ обоихъ случаяхъ, благодаря исчезновенію привычныхъ ассоціацій, личность суживается и крайне упрощается: это кругъ, уменьшенный до степени одной точки, и этой точкой является изолированное хотѣніе, единичный волевой элементъ. Получается крайне примитивное состояніе сознанія, при которомъ субъектъ лишается возможности не только оцѣнить свое переживаніе, но даже и опознать его. Въдѣ всѣ контрасты исчезли, а всякое опознаваніе, различеніе и оцѣнка возможна только тогда, когда есть нѣсколько состояній одновременныхъ, или же быстро чередующихся. Такъ напримѣръ, мы опознаемъ тотъ или иной цвѣтъ на фонѣ дѣйствительныхъ или мыслимыхъ другихъ цвѣтовъ и только тогда переживаемъ *этотъ опредѣленный цвѣтъ*; въ противномъ случаѣ, (я цитирую работу Лосскаго)¹⁾ передъ нами лишь первичный психическій актъ, состояніе сознанія безъ знанія, т.-е. безъ различенія и безъ оцѣнки. Въ нашемъ случаѣ, благодаря устраненію волевой массы, изолированный волевой элементъ заполнилъ собой всю сферу сознанія. Какъ всякое хотѣніе—онъ активенъ, т.-е. стремится перейти въ дѣйствіе; ничѣмъ не задержанный и обладая къ тому же повышенной активностью, какъ это имѣетъ мѣсто при импульсивныхъ дѣйствіяхъ, онъ быстро вызываетъ соотвѣтственный нервный разрядъ. Никакого чувствованія несво-

¹⁾ Н. Лосскій, Основныя ученія психологіи съ точки зрѣнія волонтаризма, С.ПБ. 1903, гл. III.

боды не возникаетъ, такъ какъ въ суженномъ сознаниі нѣтъ вообще ничего, кромѣ даннаго импульса. Чувствованіе несвободы могло бы появиться лишь какъ вторичное состояніе, какъ результатъ сравненія или оцѣнки, т.-е. знанія, а для этого было бы необходимо хотя бы минимальное расширеніе объема сознаниа, куда могъ бы вмѣститься этотъ вторичный процессъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что полное устраненіе волевой массы и замѣна ея единичнымъ волевымъ элементомъ—обособленнымъ хотѣніемъ—не вызываетъ чувствованія несвободы.

Идемъ дальше. Поступокъ совершенъ. Попробуемъ теперь снова ввести устраненную волевою массу. Что же произойдетъ? Цѣлый рядъ привычныхъ идей, эмоцій и импульсовъ разомъ вторгается въ сферу сознаниа и личность расширяется до своего прежняго объема; появился „фонъ“, необходимый для опознанія, вернулись условія, благоприятныя для различенія, т.-е. для *знанія*. И субъектъ ретроспективно опознаетъ свое недавнее переживаніе, подвергаетъ его запоздалой оцѣнкѣ. Это мы и наблюдаемъ при нѣкоторыхъ постъ-гипнотическихъ внушеніяхъ, когда амнезіа исчезла, а также у психопатическихъ личностей, вскорѣ послѣ совершенія импульсивнаго дѣйствія. Гипнотикъ съ удивленіемъ или досадой оглядывается на свой ненужный или нелѣпый поступокъ, психопатъ съ ужасомъ вспоминаетъ совершенный имъ поджогъ, убійство и т. п. И теперь, *post factum*, оба понимаютъ, что *тогда* ихъ воля была несвободна. Такимъ образомъ обратное введеніе волевой массы вызываетъ ретроспективное чувствованіе несвободы по отношенію къ поступку, совершенному при суженномъ и упрощенномъ сознаниі.

Идемъ дальше. Представимъ себѣ опять отдѣльный волевой элементъ, въ видѣ патологическаго хотѣнія душевнобольнаго. Но допустимъ при этомъ, что сознание нисколько не сужено, волевая масса не устранена, но зато она подверглась модификаціи и притомъ въ полномъ соответствіи съ содержаніемъ болѣзненнаго импульса. Пусть это будетъ

идея поджога, но возникшая не у больного, страдающего импульсивным помѣшательствомъ, а, на примѣръ, у параноика, убѣжденнаго въ томъ, что онъ поджигаетъ домъ своего заклятаго врага. Личность параноика нисколько не упрощена, она подверглась лишь постепенной перегруппировкѣ: у больного уже давно появилась эмоція подозрительности, онъ съ болѣзненнымъ интересомъ присматривается къ окружающему, чувствуетъ какое-то особенное отношеніе къ себѣ, всюду слышитъ и читаетъ въ газетахъ намеки на свою личность, и, наконецъ, онъ открываетъ, кто именно его преслѣдуетъ; этотъ бредъ все усложняется съ теченіемъ времени, пышно разрастается въ ширину, захватывая собой все новыя и новыя сферы окружающихъ событій, по мѣрѣ того, какъ личность больного претерпѣваетъ медленно идущую перегруппировку своихъ элементовъ, съ рѣзко выраженной центральной точкой, въ видѣ переоцѣнки собственнаго я, (то, что принято называть „эгоцентризмомъ“). Всѣ мотивы его существенныхъ дѣйствій болѣе или менѣе вытекаютъ изъ этого центра; они однородны и находятся между собой въ соотвѣтствіи. Иначе говоря *цѣльность* его личности, ея *формальное единство*, несмотря на патологическое содержаніе, всецѣло сохранено. Идея поджога вражескаго дома вполне гармонируетъ со своеобразнымъ міровоззрѣніемъ больного; этотъ единичный волевой элементъ нисколько не противорѣчитъ апперцепирующей волевой массѣ. Означенное хотѣніе, импульсъ, не кажется больному вынужденнымъ или насильственнымъ, такъ какъ вытекаетъ изъ самыхъ нѣдръ его измѣненной личности; у больного нѣтъ никакого *критерія* для сравненія или оцѣнки, и если въ предыдущемъ случаѣ (при импульсивныхъ влеченіяхъ) мы говорили, что различеніе было невозможно, такъ какъ отсутствовалъ психологическій фонъ, то здѣсь мы въ правѣ сказать, что различеніе потому невозможно, что сравниваемый предметъ и фонъ сливаются: они однородны. Только что описанное постепенное превращеніе личности наблюдается, кромѣ

параной, при старческихъ психозахъ, прогрессивномъ параличѣ помѣшанныхъ и т. д.

Такимъ образомъ видоизмѣненіе волевой массы, если послѣднее происходитъ въ соотвѣтствіи съ отдѣльнымъ волевымъ элементомъ, нисколько не отражается на чувствованіи свободы: больной чувствуетъ себя свободнымъ какъ въ моментъ совершенія патологическаго акта, такъ и при ретроспективномъ созерцаніи его.

Представимъ себѣ далѣе, что волевая масса и не устраниена, и не измѣнена, но зато отдѣльный волевой элементъ, при болѣзненномъ содержаніи, обладаетъ чрезмѣрной энергіей. Несмотря на сопротивленіе другихъ сьорганизованныхъ элементовъ, онъ крѣпнетъ, растетъ и сейчасъ перейдетъ въ дѣйствіе. Возникаетъ борьба между волевой массой и волевымъ элементомъ, и чѣмъ напряженнѣе эта борьба, тѣмъ сильнѣе чувствуетъ субъектъ, что появившееся хотѣніе есть что-то постороннее, чужое, навязанное ему и болѣзненное. Это—судорога волевого механизма, совершенно аналогичная тѣлесной судорогѣ. Координированныя движенія пловца, опредѣленные усилія, затрачиваемыя имъ на преодоленіе напора волнъ, искусно размѣренное дыханіе—все нарушается отъ вторженія въ его двигательную сферу этого насильственнаго и какъ бы чужого элемента, который рѣзко противорѣчитъ стройному комплексу его цѣлесообразныхъ движеній. И это противорѣчіе ясно сознается; совершенно такъ же, какъ при болѣзни, называемой „атетозомъ“, больные ни минуты не сомнѣваются, что сведеніе и разведеніе ихъ пальцевъ представляетъ собою насильственное сокращеніе мышечныхъ группъ, не имѣющія никакой связи съ координированнымъ единствомъ ихъ активныхъ движеній. Они сознаютъ, что ихъ движенія имѣютъ какъ бы два центра: одинъ здоровый, которому повинуются планомѣрные дѣйствія, другой ненормальный, болѣзненный центръ, изъ котораго вытекаютъ только нѣкоторыя движенія—непланомѣрные тягостныя судороги.

Аналогичное явленіе происходитъ и въ психической сферѣ.

На фонѣ привычныхъ хотѣній рѣзко выдѣляется *одно* непривычное хотѣніе. И субъектъ чувствуетъ, что *онъ такъ* не можетъ хотѣть; это какъ бы *не его* хотѣніе. Такое состояніе переживаютъ гипнотики, которымъ сдѣлано внушеніе, противорѣчащее ихъ этическимъ и эстетическимъ нормамъ; тоже самое испытываютъ больные, одержимые навязчивыми влеченіями; первые чувствуютъ, что они несвободны, такъ какъ находятся во власти гипнотизера, вторые чувствуютъ себя несвободными, такъ какъ они больны. И тѣ и другіе не поддаются иллюзіи свободной воли, ибо для коррегирования этой иллюзіи, они обладаютъ надежнымъ критеріемъ, въ видѣ того рѣзкаго болѣзненного конфликта, въ который вступаютъ волевая масса и отдѣльный волевой элементъ. Интеллигентный клептоманъ знаетъ, что онъ жертва болѣзненной формы, свойства которой грубо противорѣчатъ всему его душевному укладу; та молодая дѣвушка, о которой рассказывалъ Эрлицкій, чувствовала, что влеченіе распространять про себя позорныя небылицы—это посторонній наростъ на ея волѣ. Здѣсь передъ нами несомнѣнные признаки того, что называютъ *раздвоеніемъ личности*. Цѣльность личности, когда всѣ поступки какъ бы вытекаютъ изъ одного центра, нарушена; волевая масса въ общемъ еще главенствуетъ, только одинъ или нѣсколько волевыхъ элементовъ ускользаютъ изъ-подъ ея власти. Вотъ что писалъ по этому поводу проф. Корсаковъ: „Большая часть мотивовъ, двигающихъ обычными поступками больного, имѣетъ одинъ центръ, а другая—меньшая—совсѣмъ другой центръ. У больного можно подмѣтить какъ бы два „я“: одно здоровое, другое—больное“. Итакъ, субъектъ тогда можетъ при нѣкоторыхъ волевыхъ актахъ переживать чувство несвободы, когда вся его остальная личность до извѣстной степени незатронута болѣзнью, иначе говоря, *для появленія чувства несвободы должно быть нарушено субъективное воспріятіе цѣльности личности*, ея формального единства: личность должна быть раздвоена.

Это мы и наблюдаемъ при нѣкоторыхъ постъ-гипнотиче-

скихъ внушеніяхъ, когда амнезія неполная, при навязчивыхъ влеченіяхъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ истеріи, и особенно кататоніи. 1) При послѣдней изъ упомянутыхъ болѣзней сами больные, въ періодѣ ремиссіи, нерѣдко даютъ намъ довольно типичное описаніе своего субъективнаго болѣзненнаго состоянія. Еще недавно въ Центральномъ Приемномъ Покоѣ для душевно-больныхъ мнѣ пришлось наблюдать молодого кататоника съ цѣлымъ рядомъ вычурныхъ манеръ, нелѣпыхъ позъ и крайне загадочныхъ выходокъ. Оправившись отъ приступа, онъ передавалъ мнѣ, что его воля была какъ бы разобщена съ чувствомъ и разумомъ; и въ то время какъ разумъ изумлялся и даже протестовалъ, воля проявляла себя по своему, неожиданно, нелѣпо и дико. Этотъ больной чувствовалъ себя несвободнымъ, какъ въ моментъ совершенія поступка, такъ и при ретроспективномъ созерцаніи его.

Теперь нѣкоторые итоги.

Гипнологическіе эксперименты и наблюденія изъ области психопатологіи показываютъ прежде всего, что и гипнотики и душевнобольные могутъ испытывать несомнѣнное чувство свободы, причемъ это субъективное показаніе не соотвѣтствуетъ объективнымъ условіямъ. Изъ этого, при помощи сочетанія положительныхъ и отрицательныхъ индукцій (соотвѣтствія и несоотвѣтствія измѣненій) можно вывести доказательство, что *чувствованіе свободы есть иллюзія самонаблюденія*. Мы видѣли далѣе, что въ нѣкоторыхъ гипнотическихъ опытахъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ душевныхъ заболѣваній чувствованіе

1) Кататонія—душевная болѣзнь, при которой, на ряду съ психическими симптомами, наблюдается цѣлый рядъ своеобразныхъ мышечныхъ двигательныхъ разстройствъ. Часто больные пребываютъ въ полной неподвижности, въ странномъ и причудливомъ оцѣпенѣніи, во время котораго ихъ конечностямъ можно придать любое положеніе (такъ называемая восковая гибкость *flexibilitas cerea*); иногла, наоборотъ, больные оказываютъ сильное сопротивление всякой попыткѣ видоизмѣнить ихъ застывшую позу (негативизмъ); нерѣдко кататоники поражаютъ своими внезапными выходками, напр., вдругъ устремляются впередъ, бьются объ стѣну, судорожно опрокидываются на кровати и т. п. И все это безъ малѣйшаго аффекта и, повидимому, безъ всякаго мотива.

свободы может исчезнуть, замѣняясь явственнымъ чувствованіемъ несвободы. Сопоставленіе этихъ случаевъ привело насъ къ изученію тѣхъ психологическихъ условій, при которыхъ возникаетъ первое изъ названныхъ чувствъ, и тѣхъ—при которыхъ возникаетъ второе. Оказалось, что для чувствованія свободы необходима субъективная цѣльность личности, ея формальное единство. И, наоборотъ, для чувствованія несвободы необходимо субъективное нарушение формального единства личности, когда имѣется по крайней мѣрѣ два отдѣльныхъ центра, въ двухъ различныхъ волевыхъ группахъ, при чемъ одна изъ этихъ группъ воспринимается субъектомъ, какъ естественная *своя*, а другая—какъ не естественная, *чужая*. Словомъ для появленія чувствованія несвободы личность должна быть раздвоена.

Но это еще не всѣ условія.

Когда единая, нераздѣльная личность хочетъ, выбираетъ и дѣйствуетъ, то будь она здоровая или душевно-больная она переживаетъ своеобразное состояніе активности или собственной инициативы.—Это специфическое и (что бы ни говорилъ Münsterberg) неразложимое простое переживание сопровождается всѣ наши произвольные акты, будутъ ли это движенія, направленные во внѣшній міръ, или же тѣ „внутреннія дѣйствія“, когда мы путемъ сознательнаго усилія вызываемъ въ умѣ тѣ или иныя идеи, заставляемъ себя думать объ одномъ, не обращая вниманія на другое и т. д. Мы не станемъ углубляться въ гипотетическую природу этого переживанія. Что такое усиліе, есть ли это центробѣжное или центростремительное ощущеніе, какая связь между мускульнымъ усиліемъ и волевымъ—эти спеціальныя проблемы могутъ остаться въ сторонѣ; внѣшнее и внутреннее усиліе мы объединимъ подъ общимъ названіемъ *активности* и, слѣдуя тому же методу соответствующихъ измѣненій, рассмотримъ колебанія этого переживанія, чтобы такимъ образомъ прослѣдить, отражается ли данный факторъ соответствующимъ образомъ на чувствованіи свободы.

Материаломъ для такой индукціи послужать намъ и здѣсь

психопатологическія картины. Начнемъ съ усиленія активности и обратимся для этого къ циркулярному психозу въ его маниакальномъ періодѣ. Въ легкихъ случаяхъ „не успѣетъ больной куда-нибудь придти, какъ ему снова нужно бѣжать, пойти прогуляться, посѣтить пріятеля, сдѣлать закупки. Онъ бѣгаетъ по театрамъ, концертамъ, игорнымъ домамъ; каждую минуту закуриваетъ новую сигару, чтобы сейчасъ же бросить ее“. Въ болѣе тяжелыхъ случаяхъ получается совершенно беспорядочная картина: „больная свиститъ, поетъ, подражаетъ голосамъ животныхъ, прыгаетъ, танцуетъ, разбрасываетъ и разрываетъ бѣлье, рветъ сидѣлокъ за платья и все время говоритъ безъ умолку, при чемъ въ ея рѣчахъ нельзя уловить никакихъ сознательныхъ мотивовъ для двигательнаго возбужденія“¹⁾.

Что бы ни лежало въ основѣ описаннаго состоянія, повышенное ли самочувствіе, или же первично-повышенная возбудимость двигательныхъ центровъ (какъ думаетъ Kraepelin), несомнѣнно, что чувство свободы у такихъ больныхъ нисколько не нарушено и даже, какъ думаетъ проф. Носче, оно еще болѣе опредѣленно и отчетливо, чѣмъ при нормальныхъ условіяхъ.

Но вотъ маниакальный стадій закончился, наступаетъ депрессія. Теперь больной цѣлыми днями молчитъ, либо медленно отвѣчаетъ на обращенные къ нему вопросы (отвѣты его нерѣдко совершенно правильны); самостоятельность больного рѣзко ограничена. Вообще, всѣ проявленія воли у него чрезвычайно затруднены и, когда онъ отвѣчаетъ намъ, получается впечатлѣніе, что ему очень трудно говорить. Къ этому присоединяется тягостное затрудненіе мышленія и все вмѣстѣ взятое (психомоторная задержка, какъ называетъ это состояніе Kraepelin) составляетъ типическую психологическую особенность этой клинической формы. Все это явственно воспринимается самими больными. Пользуясь нашей терминологіей, мы могли бы сказать, что въ

1) Штёррингъ I. с. стр., 260.

этихъ случаяхъ *волевая масса* пребываетъ въ относительной неподвижности, т. к. ея составные элементы утратили свою импульсивность—активность больного понижена; и сами больные иногда довольно точно описываютъ свое переживаніе: „Мною владѣла какая-то сила“—заявляетъ больной; „движенія конечностей были не въ моей власти“. „Воля моя уничтожена, я не могу ни думать, ни хотѣть.“ Такимъ образомъ съ *пониженіемъ активности* появляется *чувствованіе не-свободы*.

Можно было бы привести еще много примѣровъ пониженной активности, сопровождаемой *чувствованіемъ не-свободы*, когда парализъ эмоциональной сферы—апатія—влечетъ за собой ослабленіе воли—абулію. Много случаевъ подобнаго рода собрано въ извѣстной монографіи Рибо. Но я и такъ уже сильно утомилъ ваше вниманіе, почему и постараюсь поскорѣе перейти къ моимъ заключительнымъ выводамъ.

Изъ только что разсмотрѣннаго матеріала ясно, что *ослабленіе* *чувствованія активности* влечетъ за собою *ослабленіе* *чувствованія свободы*. Мы имѣемъ здѣсь, такимъ образомъ, типичный образчикъ положительной индукціи. И становится весьма вѣроятнымъ, что оба эти *чувствованія* не только тѣсно связаны между собой, но, быть можетъ, представляютъ собой родственное переживаніе. Нѣтъ активности—нѣтъ и свободы. Слѣдуетъ ли изъ этого, что справедливо и обратное положеніе: есть активность—есть и свобода. Вспоминая анализъ навязчивыхъ влеченій приходится отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно. Вѣдь при навязчивыхъ влеченіяхъ *чувствованіе активности* сохранено, а *чувствованіе свободы* отсутствуетъ. Все дѣло въ томъ, что тамъ *чувствованіе активности* сопровождается реализацію *единичнаго* *волевого элемента*, между тѣмъ какъ активность *волевой массы* понижена, и потому она не въ состояніи задержать противоположный ей по качеству и какъ бы оторвавшійся отъ нея импульсъ. Это мы обозначали, какъ раздвоеніе личности. Сопоставляя теперь

разобранные факты и подраздѣляя ихъ на три группы, мы можемъ построить слѣдующія три формулы:

1) Формальное единство личности + активность даетъ чувств. свободы.

2) Формальное единство личности — активность даетъ чувств. несвободы.

3) Раздвоеніе личности + активность даетъ чувств. несвободы.

Или, выражаясь иначе: для появленія чувствованія свободы должно быть сохранено формальное единство личности, ея субъективная цѣльность, но мало того, необходимо еще, чтобы чувствованіе активности не было уничтожено; выпаденіе хотя бы одного изъ этихъ условій уже достаточно для выпаденія чувствованія свободы: такъ раздвоеніе личности при навязчивыхъ влеченіяхъ даетъ чувствованіе несвободы, хотя чувствованіе активности для даннаго дѣйствія не нарушено; и наоборотъ уничтоженіе чувствованія активности при депрессивныхъ состояніяхъ даетъ чувствованіе несвободы, хотя формальное единство личности не нарушено. Такимъ образомъ только сочетаніе обоихъ условій (цѣльность личности при сохраненной активности) вызываетъ чувствованіе свободы.

Наше изслѣдованіе о чувствованіи свободы не выходило все изъ рамокъ клиническихъ фактовъ, а потому самъ собою является вопросъ, приложимы ли добытые результаты и къ нормальнымъ условіямъ? Что можно сказать объ единствѣ и активности здороваго индивидуума?

Цѣльность личности представляетъ и въ нормальныхъ условіяхъ многочисленныя градации. „Есть натуры очень цѣльныя—говоритъ Корсаковъ, „у которыхъ всѣ поступки какъ бы вытекаютъ изъ одной категоріи принциповъ; и есть натуры менѣе цѣльныя, въ поступкахъ которыхъ мы видимъ противорѣчіе въ руководящихъ принципахъ въ большей или меньшей степени“. Однако, скажемъ мы, типы послѣдней категоріи (вѣчно колеблющіеся, бросающіеся изъ стороны въ сторону—непостоянные, какъ ихъ называютъ)

отстоять еще очень далеко отъ субъективнаго воспринимаемаго патологическаго раздвоенія; поэтому можно принять, что въ общемъ *нормальная личность обладаетъ субъективнымъ единствомъ.*

Степень активности при нормальныхъ условіяхъ также подвержена разнообразнымъ колебаніямъ. Мы знаемъ субъектовъ изумительно активныхъ, вѣчно дѣятельныхъ преодолевающихъ съ большимъ упорствомъ самыя трудныя препятствія; и мы знаемъ другихъ, инертныхъ и слабыхъ, сравнительно недѣятельныхъ, для которыхъ повседневныя житейскія мелочи представляются серьезными преградами. Но типы послѣдняго рода еще очень далеки отъ субъективно-воспринимаемой абуліи, и поэтому можно принять, что въ общемъ *нормальная личность активна.*

Будучи единой и активной нормальная личность совмѣщаетъ въ себѣ, такимъ образомъ, оба условія, формально необходимыя для возникновенія интроспективной иллюзіи свободы. ¹⁾

Мое изложеніе закончено. Но прежде чѣмъ поставить точку, я прошу прощенія у тѣхъ, кто ожидалъ, что я сдѣлаю интересную попытку раскрыть какимъ-нибудь новымъ ключемъ этотъ „ржавый замокъ“, висящій уже столько вѣковъ на закопченныхъ дверяхъ одной изъ готическихъ башенъ умозрительной философіи.

Моя задача была гораздо скромнѣй.

¹⁾ Изученіемъ этихъ *формальныхъ* условій я пока и ограничился. Конечно, для полноты моей работы, необходимо было бы выяснить тѣ основныя свойства волевого акта, которыя иллюзію свободы дѣлаютъ *необходимой*—психологически. Тутъ пришлось бы подвергнуть разбору ученіе о мотивации человѣческаго поведенія, о психической причинности, попытаться отвѣтить на вопросъ, почему сокровенныя причины нашихъ хотѣній не понадаютъ въ сферу самосознанія и т. д. Все это—вопросы, о которыхъ невозможно говорить вскользь; они составляютъ тему для отдѣльнаго изслѣдованія. Если не считать болѣе старыхъ работъ (напр. Шопенгауэра «О свободѣ воли», Фулье, Рила и др.), то много оригинальныхъ указаній можно найти въ книгѣ проф. Петражицкаго, на которую я ссылаюсь въ началѣ моего доклада.

Я стремился выполнить тѣ указанія, которыя далъ по вопросу о свободѣ воли проф. Корсаковъ. „Если“, писалъ онъ,—„непосредственное чувство свободы свойственно нормальному человѣку, то это свойство и нужно изучать, нужно изучать его условія, при этомъ установить, съ чѣмъ оно связано. Нужно изслѣдовать, насколько чувство свободы обманчиво; тутъ тоже наберется много поразительныхъ и разнообразныхъ фактовъ, которые придется сгруппировать. Сюда будутъ относиться и наблюденія надъ аномаліями, представляющими рѣзкое паденіе функции свободы выбора, и экспериментальныя наблюденія надъ загнипнотизированными субъектами. Тогда только наберется большой матеріалъ, на основаніи котораго, при помощи, можетъ быть, того же діалектическаго метода и можно будетъ освѣтить вопросъ истиннымъ свѣтомъ“. ¹⁾

Я сознаю однако, что моя слабая попытка далеко не заполняетъ собой тѣхъ рамокъ обширнаго изслѣдованія, на которыя указывалъ покойный Сергѣй Сергѣевичъ.

Ю. Каннабихъ.

¹⁾ Корсаковъ: возраженія на рефератъ Л. М. Лопатинъ въ III выпускѣ трудовъ Московскаго Псих. Об.